

**Стенограмма экспертного обсуждения доклада
«Структурная модернизация финансовой системы России»**

**16 марта 2010 года
11.00-15.00**

**Институт современного развития
г.Москва, ул.Делегатская, д.7, стр. 1**

Юргенс. Доброе утро, уважаемые коллеги! С вашего позволения, мы начнем нашу работу. В начале года Институт современного развития выступил с докладом о желаемом образе будущего, и в качестве одного из аспектов критики получил, что это будущее, во-первых, несколько туманно, во-вторых – неконкретно. Вот мы приступаем к разработке ряда докладов, которые будут эту туманность приводить в состояние своего рода «дорожных карт».

Мы это делаем не по приоритетам, а по своим определенному рода календарным планам. Первый доклад, по председательству России в СНГ и вообще, что делать России в Содружестве независимых государств и в ближайшем зарубежье, вышел. Он был приурочен к тому, что наш президент стал председателем СНГ на этот год.

Сейчас мы выступаем с докладом «Структурная модернизация финансовой системы России», который подготовлен нами вместе с Банком Москвы. Банк Москвы оказал нам решающую и серьезную помощь в подготовке этого документа, и мы представляем его сегодня вам.

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу жанра документа, а затем передать слово непосредственно авторам.

Ни для кого не является спорным, что состояние национальных финансовых систем – это один из важнейших факторов социально-экономического развития. Существенная зависимость от регулятивных действий государства обеспечивала при этом едва ли не ведущую роль финансовой системы в реализации политического выбора той или иной модели роста; глобализация экономики и финансовых рынков основательно усложнили эти взаимосвязи.

Доступ частных и государственных компаний к глобальному рынку капитала привел к тому, что фундаментальной основой национальных экономик во все большей степени становится всемирное хозяйство.

В свою очередь, финансовые рынки стали существенно более автономными в своем развитии, и следствием стала текущая глобальная турбулентность, требующая нового понимания роли финансовых систем в посткризисном мире.

Поиск путей создания новой финансовой архитектуры, шаги в этом направлении, определение места бюджетных и денежно-кредитных инструментов в стратегиях выхода привели к необходимости переосмысления самих основ макроэкономической политики. Недавний доклад Международного валютного фонда, кто его видел (условно можно перевести «Размышления о макроэкономической политике» или «Передельывание макроэкономической политики»), – наглядное тому свидетельство.

Формирование адекватных подходов к модели развития после кризиса укореняется в России, совпадая по содержанию и по темпам с конкретизацией модернизационной повестки дня, объемов финансовых ресурсов, которые необходимы для ее реализации.

В сфере госфинансов наметился качественный прорыв в связи с программой повышения эффективности бюджетных расходов в 2010-2012 гг. Это крайне необходимое условие модернизации.

В настоящее время как никогда ранее высоко значение сопряженности качества экономической динамики и уровня развития финансовой системы. Несбалансированность ведет к усугублению диспропорций, которые провоцируют размах еще больших структурных экономических проблем.

А с другой стороны, последовательная и ответственная финансовая политика – а мы так оцениваем деятельность наших финансовых властей и до кризиса, и в период кризиса, – она взаимоувязывает и по целям, и ресурсам все эти наши усилия, способна дать серьезные стимулы к оптимизации темпов развития и наполнению его новым содержанием.

В этих условиях конкурентоспособность национальной экономики все более зависит от качества финансовых институтов, доступности их услуг для предпринимательства и населения; этим же во многом определяется комфортность инвестиционного и делового климата.

Не буду долго останавливаться на идее международного финансового центра – в докладе дается, по-моему, очень существенное основание и обоснование того, почему для России этот путь хотя и неблизкий, но безальтернативный.

В повестке дня финансовой модернизации много других вопросов: это и макропруденциальный надзор, консолидация банковского сектора, повышение требований к достаточности капитала, вновь вставший вопрос о приватизации госбанков, развитие регулятивной среды интегрированного финансового рынка и т.д. Я не буду все это перечислять, потому что после меня выступают глубокие специалисты по вопросу и авторы имеющейся у вас вышедшей к сегодняшней конференции брошюры.

Сказав это, я передаю слово советнику Института современного развития Никите Ивановичу Масленникову. Пожалуйста.

Масленников. Спасибо, Игорь Юрьевич. Еще раз рад от имени нашего института приветствовать всех участников даже не скажу «конференции», а такого нормального, думаю, глубокого профессионального обсуждения представленного материала, и буквально пару слов о порядке нашей работы сегодня.

Поскольку доклад был уже представлен на нашем институтском сайте и на ряде других сайтов достаточно давно, и практически всем участникам была направлена еще и короткая его версия, то, думаю, с основными идеями, положениями вы уже освоились, познакомились, свои критические замечания сформулировали, что самое ценное. «Сухой остаток» сегодняшней нашей встречи в потенциале уже готов.

Поэтому я бы предложил вам всем, чтобы мы, авторский коллектив, не мучили вас сегодня длинными презентациями и велеречивыми докладами на тему тех сюжетов, которые мы затрагиваем в нашей работе, а буквально в течение нескольких минут, по шесть, максимум восемь (надеюсь, все-таки по шесть минут), мы дадим основным авторам возможность выступить по поводу тех мыслей, которые у них возникли за последние, скажем, полтора месяца после окончания работы над нашим документом.

Это очень полезно, потому что ситуация стремительно меняется в нашем финансовом пространстве, какие-то оценки становятся еще более актуальными, а острота других несколько снижается. И это, наверно, очень важно – выслушать авторское кредо. На чем стоим и почему не можем иначе.

И затем, как у нас обычно в институте принято, очень демократично – профессиональная дискуссия по поводу того, что вы услышите и по поводу того, что вы уже прочитали, причем это в любой форме. Это можно от микрофонов, поднятием руки, можно выходить на трибуну. Договоримся, что я немножко попытаюсь быть модератором. Я в силу и в рамках такой классической российской демократической традиции попробую немножко поманипулировать участниками и составом выступающих.

А потом в зависимости от того, с какой интенсивностью у нас пойдет работа, мы то ли закончим, скажем, в течение 2-2,5 часов, то ли мы объявим перерыв, чтобы еще раз выпить кофе, обменяться в кулуарах мнениями и вернуться в очередной раз в зал.

За сим я временно пока замолкаю и предоставляю слово Алексею Леонидовичу Ведеву – вот у меня всегда сложности с должностями, но в моем «поминальнике» написано так – директор Центра стратегических исследований Банка Москвы.

Он в нашем докладе был один из идеологов и разработчиков, и его тема – это сценарные условия будущего экономического роста и те ограничения, которые сегодня мы видим ввиду текущего состояния финансовой системы, и что в итоге из этого может получиться, если использовать различные рабочие гипотезы. Алексей Леонидович, пожалуйста.

Ведев. Спасибо, Никита Иванович. Я также хотел поблагодарить все экспертное сообщество за внимание к нашей работе. Большое вам спасибо.

Я остановлюсь достаточно кратко на структурных проблемах российской финансовой сферы и возможных сценариях развития.

За полтора месяца, прошедших после подготовки доклада, собственно говоря, ничего не произошло, и мое мнение остается примерно тем же уже на протяжении последних трех-четырёх лет.

Прежде всего, российская экономика в последние десять лет доказала, что она может расти, и это есть, конечно, позитивный сигнал. За 1998-2008 гг. ВВП, например, увеличился на 94%, инвестиции – на 200%, а несмотря на то, что в последнее десятилетие все процентные ставки по депозитам были ниже инфляции, сбережения населения выросли в 21 раз.

Глобальный финансовый кризис изменил принципиальным образом эту тенденцию, и буквально за считанные месяцы весь накопленный форсированный рост 2006-2008 гг. – буквально за три-четыре месяца сошел на нет. И весь реальный сектор оказался на уровне 2005 года, но уже в других условиях – при этом остались еще долги, как внутренние, так и внешние.

На мой взгляд, структурные проблемы российской экономики усилили кризисные проявления, и по показателю падения производства, по уровню инфляции Россия оказалась одной из худших, по меньшей мере, в G20.

Какие системные и структурные проблемы нам видятся наиболее острыми? Прежде всего, это дефицит финансовых ресурсов, это разрыв между уровнем, объемом кредитов в нефинансовый сектор и предприятия, население и возможностью банков предоставлять эти ресурсы.

Более того, этот разрыв в 2008 году превысил все собственные средства банковской системы. На наш взгляд, именно в середине 2008 года эта ситуация была вообще уже неуправляемой. И поэтому объективная нехватка внутренних ресурсов для реального сектора является одной из ключевых системных проблем.

Также один из уроков кризиса состоял в том, что мы столкнулись с высокой инфляцией. Тогда как все страны столкнулись с дефляцией, все равно у нас инфляция несколько снизилась, но осталась высокая. И тоже, наверно, один из ключевых уроков кризиса состоит в том, что борьба с инфляцией, применение антиинфляционных мер чисто монетарными методами значительно усложняется низкой конкурентной средой, прежде всего в реальном секторе.

Одна из системных проблем – это традиционно высокий уровень влияния обменного курса рубля на экономику и финансовую сферу. Объективно, у нас экспорт составляет 15-17% от валового выпуска, импорт – 12-14% от совокупного потребления, но влияние валютного курса крайне высоко, как на инфляцию, так и в целом на устойчивость финансовой сферы.

Следующая структурная проблема – у нас значительная сегментация банковской системы. И я думаю, что это была одна из проблем, одна из ошибок денежных властей при реализации антикризисных мер осенью 2008 года, которая состояла в том, что банковская система воспринималась как единое целое, и, в общем, речь шла о том, что банковской системе выделено столько-то, скажем, миллиардов рублей. Тогда как, на самом деле, по меньшей мере 4-5 сегментов банков можно выделить в банковском секторе.

Еще одна из тоже значительных проблем была – это низкий уровень эффективности использования внешних займов. То есть в 2006-2008 гг. внешний частный долг рос катастрофически высокими темпами, однако, по нашим расчетам, порядка 20-25% всех внешних займов шло на кредитование реального сектора. И, в общем-то, это означает, что 75% внешних займов вообще не имело никакого отношения к деятельности реального сектора.

Поэтому, на мой взгляд, один из ключевых уроков данного кризиса и форсированного роста в 2006-2008 гг. состоит в том, что такие понятия, как увеличение валовых показателей и устойчивый, стабильный рост, снижение зависимости от внешних факторов, – такие понятия могут не совпадать, и в погоне за темпами роста промышленного производства, темпами роста ВВП мы ослабляем внимание к структурным проблемам в финансовой сфере и к устойчивости.

Какие возможны сценарии? Мы выделяем три базовых сценария. Первый сценарий, собственно говоря, предлагает правительство в концепции долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 года. В данной концепции роль финансовой сфере отводится как создание необходимых условий для поддержания устойчивого высокого роста, порядка 6-7%, и предполагается, что эти условия будут создаваться за счет резкого повышения монетизации ВВП и расширения банковского кредитования.

Данный сценарий мы назвали как «сценарий форсированного роста», и, на наш взгляд, он несет, скорее, больше угроз, чем преимуществ.

Преимущества видятся, конечно – это высокие темпы роста. Однако все структурные проблемы при реализации данного сценария, правительственного, останутся. Более того, даже, скажем, многие структурные проблемы усилятся, и в будущем их устранение потребует гораздо больше времени и денег.

И здесь нам кажется, что риски финансовой дестабилизации в ближайшем будущем, в ближайшие 5-7 лет, неоправданно высоки.

Второй возможный сценарий – это сценарий инерционного развития. Собственно говоря, ничего не менять. При этом, да, скорее всего, сырье создаст необходимую «подушку безопасности», но, так или иначе, мы будем иметь достаточно искаженную структуру как банковской системы, так и финансовых рынков.

Сценарий, который нам видится наиболее оправданным – это сценарий сбалансированного роста, то есть мы жертвуем некими темпами экономического роста ради устойчивости и стабильности.

На наш взгляд, это достаточно прагматичный сценарий, который позволяет не слишком высоко – использовать привлечение внешних средств, но в достаточно ограниченном объеме, позволяет устранять текущие структурные диспропорции и, собственно говоря, устранить эффекты «перегрева» экономики, который мы наблюдали в 2006-2008 гг., но достичь более или менее приличных темпов роста и также выйти на расширение внутренней ресурсной базы в России.

Какие условия для этого роста, для реализации данного сценария? Данный сценарий, конечно же, прежде всего, требует заметных усилий со стороны денежных властей в области как финансового регулирования, так и целеполагания с точки зрения, скажем, таких факторов, как устранение рисков на различных рынках, снижение доли наличных денег, неоправданно высокой в настоящий момент.

Представляется, что выбор сценария сбалансированного роста должен быть осознанно скоординирован всеми сторонами денежных властей.

И здесь, как сценарий, который мы достаточно подробно описываем в нашем отчете, данный сценарий – он же перекликается с задачами, с реализацией таких амбициозных проектов, как создание или продвижение рубля в качестве резервной валюты, развитие международного финансового центра. Это амбициозные и очень затратные проекты, и, на наш взгляд, для их реализации требуется как четкая

формулировка целей, так и построение мероприятий, которые позволят реализовать все преимущества от реализации данных проектов. Спасибо.

Масленников. Спасибо, Алексей Леонидович. Видите, вот постановка, несмотря на такой мягкий и вкрадчивый голос нашего докладчика, – постановка, в общем, на мой взгляд, предельно жесткая.

Во-первых, это политический выбор в пользу сбалансированного сценария, если он состоится, а это предполагает, как минимум, два важнейших условия. Первое – это некая коррекция тех целей, которые заложены в «Концепции долгосрочного развития 2020», и второе – это принятие государством (в широком смысле слова) на себя ответственности за проведение целого класса крайне необходимых и назревших структурных реформ. В финансовой сфере.

Поэтому в будущих выступлениях своих вы имейте в виду, что за такой мягкостью здесь достаточно жесткая позиция. Я предполагаю, что могут быть вопросы к докладчикам, поэтому я бы предложил такой формат – мы сейчас дадим слово всем, а потом, естественно...

Вопрос. А по ведению нельзя вопрос?

Масленников. По ведению? Пожалуйста.

Вопрос. *Анатолий Гавриленко, группа компаний «АЛОР».* Я просто хочу понять, для чего мы здесь собрались, если это возможно.

Я думал, что нас приглашают, для того чтобы обсудить доклад, материалы этого доклада, и после этого этот доклад будет каким-то образом доработан и издан. После того, как я увидел, что он уже издан – ну, остается только поблагодарить, кто над ним работал – наверняка люди затратили очень много времени. У меня, конечно, есть замечания к этому докладу, но толку-то? Что я буду говорить, если уже все это издано и все это хорошо?

Поэтому я просто не понимаю, что дальше. Если мы дальше должны там что-то такое еще сказать, что потом это кто-то будет учитывать – ну, я не знаю.

Потому что в этом докладе, предположим, по срочному рынку там всего один абзац, что дефицит доверия населения из-за того, что малая капитализация компаний – для меня это все не так, конечно. Понимаете? Извините, я просто на этом рынке работаю.

От меня как участника рынка точно ничего не зависит, принятие этих политических решений. Насколько я это понимаю. Поэтому я могу со всем этим соглашаться, но от этого никакого результата не будет.

Поэтому мне хотелось бы понять, в качестве чего и кого мы можем быть вам полезны. Спасибо.

Юргенс. Я еще раз хотел сказать – повторить то, с чего начал. Мы выступили с докладом «Желаемый образ будущей России». Там есть разделы, касающиеся политики, экономики, демократии, реформы правоохранительных органов, внешнеполитического позиционирования России и т.д. Вот в экономическом блоке мазками там было дано наше видение того, что надо делать в финансовой сфере.

Для того чтобы дискуссию ввести уже в более существенное русло мы вам даем доклад, сейчас выслушиваем вас, что вы о нем думаете, зная ваш профессионализм и опыт, и сколько лет вы на этом рынке проработали – с момента его образования, вообще говоря. Это все будет очень ценно. Доклад – это наш взгляд, а не истина, поэтому абсолютно ничего не закончено.

И к концу года мы выходим на документ, который мы условно называем «как нам видится программа действий президента-2012».

Масленников. Игорь Юрьевич, я тоже постараюсь ответить по ведению. Понимаете, мы на себя не брали такую уж очень судьбоносную функцию – ответить в одном документе на все вопросы. Да нет, конечно.

Наша задача – это в хорошем смысле спровоцировать постоянное общение профессионалов друг с другом, экспертного сообщества с денежными властями, с тем

чтобы это был такой долгий процесс, но с некой другой интенсивностью, отличной от прошлых лет.

Во что это выльется? Да поживем – увидим. Посмотрим. Я, например, оптимистически к этому отношусь.

И я хотел бы вот что сказать – естественно, у нас в наших материалах вы можете быть с чем-то несогласными, это абсолютно понятная и справедливая позиция, потому что – я бы так сказал, что чем мы отличаемся, экономисты и финансисты, от саперов? Ну, понятно, что мы ошибаемся не один раз в жизни, а гораздо чаще. Поэтому когда и по ведению, и по содержанию будут выступления у вас, уважаемые коллеги, имейте в виду это – что мы все-таки не саперы.

Сейчас передаю слово Сергею Рустамовичу Моисееву, основному разработчику сюжетов, связанных со структурными реформами в банковском секторе, которые представлены в нашем докладе.

У меня опять, естественно, как всегда, сложности с произнесением должностей, но точно знаю, что Сергей Рустамович – ответственный секретарь кучи комиссий в Российском союзе промышленников и предпринимателей, и еще у него есть замечательный центр, но как его произнести – ей-богу, без шпаргалки не могу, поэтому он сам скажет. Сергей Рустамович, прошу.

Моисеев. Спасибо большое. Алексей Ведев до меня отметил, что российская экономика успешно последовательно развивалась и значительно выросла в объемах, и, прежде всего, это касается банковского сектора. Банковский сектор составляет ядро финансовой системы России, и за минувшее десятилетие он вырос более чем в 2 раза в реальном выражении, в отношении к ВВП.

Но в течение этого роста он, как и любой быстро растущий организм, пережил несколько, я бы сказал «болезней роста» и накопил несколько дисбалансов.

Когда мы приступали к работе над докладом, то были выделены ключевые, как мы считаем, проблемы развития банковского сектора, и далее доклад строился на функциональном подходе и решении этих проблем.

Какие, мы считаем, проблемы в настоящее время стоят перед финансовым сектором? Первая общая проблема – макроэкономические риски растущей сырьевой экономики и высокая инфляция, которая значительно превышает общепризнанный уровень ценовой стабильности, а отсюда – следующие последствия: высокая цена ресурсов для банков, высокие процентные ставки. А поскольку российская экономика, значительное число предприятий работает при низком уровне рентабельности, то высокие ставки оставляют без заемных ресурсов довольно большое число участников рынка из различных отраслей, преимущественно несырьевых отраслей.

Вторая большая проблема связана с формированием нормальных, достаточных банковских пассивов. Как известно, проблема срочных пассивов, проблема соотношения валютных и рублевых пассивов – сейчас она решается за счет в основном внешних займов, и, скорее всего, и будет в дальнейшем решаться за счет внешних займов, если политика не будет изменена.

Третья большая проблема – это ограниченная клиентская база заемщиков, высокая концентрация кредитных рисков в отдельных отраслях и секторах экономики. Такое советское наследие – высококонцентрированная отраслевая структура российской экономики.

Следующая проблема – избыточная зависимость финансового сектора от волатильности обменного курса рубля.

И две последние проблемы – это значительная сегментация банковского сектора. На рынке фактически доминирует группа крупнейших банков, при этом сектор довольно многочислен, его наполняют различные небольшие игроки, которые работают в своих нишах.

И последняя главная проблема – это преобладание государства в качестве собственника в банковском секторе.

Мы полагаем, что среднесрочное развитие банковского сектора должно сопровождаться улучшением его рыночной и институциональной структуры, а также повышением эффективности банковского регулирования и надзора, который, очевидно, требует изменений, и, наконец, оптимизацией государственного участия в банковском бизнесе.

Каким мы видим посткризисное развитие банковского сектора? Мы полагаем, что главная проблема, которая перед нами будет стоять – это проблема источников роста. За счет чего банки будут расти?

Велика вероятность того, что мы обратимся по проторенной дорожке и будем наращивать свои пассивы за счет внешних займов, что приведет к многочисленным проблемам как макроэкономического характера, типа увеличения избыточного денежного предложения, инфляционного давления, зависимости от курса рубля, от его волатильности и т.д., так и проблемам внутреннего характера – это накопление избыточного долгового бремени частным сектором, я не говорю про государственный сектор.

Я полагаю, что эти проблемы в основном решаются путем изменения в денежно-кредитной политике – раз, путем регулирования движения капитала, но поскольку, вы знаете, президент обозначил, что Россия не будет отказываться от статуса конвертируемого рубля, и введение валютного контроля или контроля над движением капитала невозможно, то нам мыслится, что правильно было бы в таком случае прибегнуть к регулированию движения капитала посредством налоговой политики, что позволит сохранить конвертируемость рубля.

В среднесрочной перспективе мы видим, что ближайшая картина развития сектора будет выглядеть таким образом: 2010-2012 год – это формирование новой архитектуры банковского регулирования и рыночной структуры банковского сектора, а 2012-2015 год – это обеспечение сбалансированного устойчивого развития банковского сектора. В среднесрочной перспективе.

Перед нами будет стоять решение проблемы «плохих» долгов, но я сейчас буду избегать обсуждения этой проблемы, потому что это совершенно отдельная тема. Могу только полагать, что, по всей видимости, скорее всего, банкам придется опираться только на собственные силы в решении проблемы «плохих» долгов, и таким образом скорость восстановления банковского сектора будет критически зависеть от текущей рентабельности и от будущей, ожидаемой инвестиционной привлекательности банковского бизнеса.

В плане изменения регулирования мы полагаем, что основная роль при этом должна отводиться новой концепции денежно-кредитной политики, связанной с модифицированным таргетированием инфляции, эффективность которой фактически зависит от того, будет ли создана нормальная конкурентная среда в реальном секторе экономики. Если конкуренция будет вполне нормальной, если рост тарифов не будет оказывать регулярное инфляционное давление, то политика таргетирования инфляции Банка России вполне может состояться.

Мы полагаем, что текущий год может стать годом формирования новой архитектуры банковского регулирования и надзора. И, собственно, здесь мы не рассчитываем, что изменения могут родиться внутри российского общества, внутри российской экономики – скорее, это результат внешнего влияния.

Многие, возможно, уже знают, что к концу года Базельский комитет по банковскому надзору должен разработать новую глобальную рамочную программу по пересмотру стандартов банковского регулирования, и нам предстоит адаптировать новые элементы Базельского соглашения в России.

В то же время, правительство и Банк России намерены разработать к лету стратегию развития банковского сектора на период 2011-2015 год. Я думаю, что в значительной мере эта стратегия будет пересмотрена в следующем году под влиянием тех норм, которые будут приняты на международном рынке.

Наконец, две внутриотраслевые тенденции, связанные с обеспечением сбалансированного устойчивого развития банковского сектора. Первая тенденция – это изменение рыночной структуры сектора, и вторая тенденция – это консолидация сектора.

То, что касается обеспечения рыночной структуры сектора. Мы полагаем, что ближайшее будущее связано с приватизацией банков, связанных с государством, но более детальный анализ, который здесь изложен в докладе, показал, что полная приватизация в ближайшей и краткосрочной перспективе представляется абсолютно невозможной, потому что таит в себе значительные риски, и это окажет непредсказуемое влияние на развитие банковского сектора.

Поэтому мы полагаем, что если правительство одобряет, а видно, что в ближайшие годы будет разработана программа приватизации госбанков, то она будет носить лишь частичный характер. То есть снижение доли государства до контрольного пакета, развитие рынка банковских акций, которое позволит повысить эффективность корпоративного управления банков, повысить капитализацию банков и откроет путь размещению банковских акций и других банков, не столь крупных, как госбанки.

И второй момент, связанный с сегментацией банковского сектора и необходимостью его консолидации. Вы знаете, что сейчас Россия находится на третьем месте по численности сектора, и никаких принудительных мер, административного давления по консолидации банковского сектора проводить не предполагается, и мы в этом плане не являемся сторонником такого давления.

Мы полагаем, что да, будет идти естественный процесс консолидации сектора, число игроков где-то сократится вдвое на протяжении двадцати лет, но надо отметить, что здесь большую роль будут играть также и изменения банковского регулирования за рубежом.

Поскольку совершенно очевидно, что будет введено особое пруденциальное регулирование крупнейших системообразующих банков, то таким естественным образом возникнет разбивка банковского регулирования на группу для крупнейших игроков, и вполне возможно, что для группы малых банков сохранятся их возможности нормальной работы на банковском рынке без серьезных ограничений, но возможно, что это будут банки отдельной группы, отдельного класса.

И наконец, в заключение я хочу сказать, что если эти необходимые изменения будут сделаны в банковском секторе, и банковский сектор будет сбалансированно и устойчиво развиваться, то это заложит основу для решения более серьезных задач международного характера. Я имею в виду развитие рубля в качестве региональной резервной валюты и создание международного финансового центра. Спасибо.

Масленников. Спасибо, Сергей Рустамович. Сейчас мы переходим к другому сюжету. Если мы уже немножко поговорили про сценарные условия вероятного развития, и Сергей Рустамович достаточно жестко определил вероятные направления подвижек в банковском секторе, то сейчас начинается самое, по-моему, интересное, эвристическое – это, я бы так назвал, финансовый импрессионизм. Потому что Юрий Алексеевич Данилов у нас как раз курировал в докладе вопросы развития финансовых рынков. Сейчас может случиться нечто совершенно неожиданное, на уровне хорошей джазовой импровизации. Юрий Алексеевич, пожалуйста.

Данилов. Я немножко не ожидал такого представления, но в таком случае я должен сказать, что действительно – вот мы идем по секторам, но что мы забыли, может быть, сказать в самом начале, и что вызвало, в том числе, вопрос по ведению – что этот доклад, может быть, первый опыт, первая попытка рассмотреть финансовый сектор как неотъемлемую часть всей системы народного хозяйства, как единое целое. Во-первых, как

неотъемлемую часть всего народного хозяйства, во-вторых – как единое целое, без деления на проблемы чисто банковского сектора и чисто финансового сектора.

Это, естественно, до конца сделать не удалось, это первая попытка, и можно в докладе выискивать какие-то конкретные рекомендации по развитию финансового сектора или банковского сектора, но главное здесь другое – как финансовый сектор России будет служить задачам социально-экономического развития страны. Потому что у нас есть банковская стратегия, есть стратегия развития финансовых рынков – они мало между собой связаны; есть концепция долгосрочного развития, ориентированная, в первую очередь, на реальный сектор – она вообще никак не связана, как мне кажется, или крайне мало связана со стратегиями финансовых сегментов. Поэтому мы как раз решили здесь ликвидировать это «белое пятно».

Что же, если переходить непосредственно к финансовым рынкам, то я здесь, наверно, ограничусь лишь несколькими сюжетами.

Те предложения, которые были сформулированы в нашем докладе, вообще говоря, в значительной мере опираются на ранее проведенную работу, на так называемую «идеальную модель» фондового рынка, в которой я принимал самое непосредственное и активное участие.

Алексей Тимофеев, присутствующий здесь, стал, скажем так, тем центром, НАУФОР стал тем центром, вокруг которого концентрировалось обсуждение проблем и предложений, положенных в основу идеальной модели.

Эти предложения разработаны при активном участии профессиональных участников рынка, они разделяются в той или иной мере регуляторами, и мы их лишь в незначительной степени подкорректировали с учетом опыта прошедшего кризиса.

А кризис, между прочим, высветил те проблемы, которые являются наиболее острыми для развития российского финансового сектора в целом, в том числе. И главная из них – это отсутствие долгосрочных инвесторов. Можно говорить – дефицит «длинных денег», можно говорить – вообще отсутствие долгосрочных инвесторов. В кризисной ситуации это было именно отсутствие.

Можно говорить также о том, что в кризисе обнаружился тот самый упоминавшийся уже сегодня дефицит доверия, но он обнаружился не просто так – он опирается на вполне длинные фундаментальные истории российского финансового рынка. Это и низкая капитализация финансовых институтов, это и недостаточно высокая эффективность технологий совершения и исполнения сделок, низкий уровень риск-менеджмента и т.д.

И проявилось низкое качество финансового оборота. Высокая доля сделок с высоким уровнем риска, резкие скачки ликвидности в одну сторону, волатильности – в другую сторону, – все это тоже опирается на вполне фундаментальные проблемы, одной из которых, в частности, для рынка акций является высокая доля государства и, как следствие этого – низкий уровень free float, акций в свободном обращении. Что и обуславливает, собственно говоря, эти скачки ликвидности и волатильность.

Я бы далее указал на несколько предложений, содержащихся в докладе, которые носят больше такой внесекторальный, что ли, характер, т.е. есть проблемы, характерные и для небанковского сектора, и для банковского сектора, и решать их нужно вместе, комплексно.

Какие это проблемы? Во-первых, это низкая финансовая грамотность населения. От этого страдает и эффективность банковской системы, от этого недопоступают средства в финансовый сектор, на финансовые рынки.

Предложение, которое содержится в докладе, не является тоже оригинальным, оно у всех сейчас, что называется, на слуху – разработать и реализовать программу повышения финансовой грамотности населения.

Другая проблема, которая носит такой межсекторальный или, скорее, надсекторальный характер – это доступность финансовых услуг. Эта проблема остра для небанковских финансовых институтов, эта проблема остра для банковского сектора.

Опять-таки, нужно строить модель, общенациональную модель сетей, по которым финансовые услуги будут добираться до конкретных потребителей, до населения в любом регионе страны. Нужно обеспечивать реализацию, так или иначе, агентской модели, чтобы в каждом регионе был представитель – не представитель какого-то конкретного банка, а некое лицо, которое бы обеспечивало доступ к финансовым услугам различных банков, различных финансовых организаций.

Ну, и ряд других проблем. Есть проблема, которую мы поставили, наверно, где-то во главу угла при рассмотрении вопросов. Это проблема и финансового сектора, и реального сектора – это проблема как раз-таки дефицита долгосрочных инвестиций.

В той или иной форме проблема долгосрочных инвестиций характерна для всей постсоветской истории России; она будет характерна, как минимум, в ближайшие десять лет – это такой еще оптимистический прогноз, и нам ее нужно, так или иначе, все равно решать.

Подходы к решению были самые разнообразные. Сначала мы помним, что государство предпринимало активные усилия. В той или иной мере это закончилось крахом пирамиды ГКО в 1998 году.

Потом частные корпорации полезли на рынок еврооблигаций занимать деньги. В общем-то, это тоже закончилось если не крахом, то очень серьезным кризисом.

И этот опыт, опыт двух кризисов, дает нам возможность формулировать требования к правильной попытке: в Россию должны притекать инвестиции различных форм, в первую очередь, частные, естественно, инвестиции, но в структуре инвестиций, притекающих в Россию, основная доля должна приходиться на прямые инвестиции.

Если мы продолжим опыт в том же направлении, в котором мы двигались последние 15-20 лет – видимо, опять-таки, следующий кризис будет сопровождаться наскоками ультраспекулятивного капитала, и ничего хорошего из этого не будет.

Нам нужно привлекать не только длинные займы – нам нужно привлекать инвестиции в форме долевых инвестиций, а это, собственно говоря, и предполагает, в первую очередь, господство прямых инвестиций.

Какие источники мы видим сегодня и в ближайшее время для преодоления дефицита «длинных денег»?

Первый и основной источник в долгосрочной перспективе – это, так или иначе, иностранный инвестор, это деньги, в первую очередь, консервативных глобальных инвесторов, портфельных инвесторов, в первую очередь, пенсионных инвесторов, ну, и естественно, прямых инвесторов.

Здесь тоже стоит некая альтернатива, здесь тоже стоит некий политический выбор. Нам нужно перестать бояться иностранных инвесторов, понимая, что для той модернизации, которую мы для себя наметили, без этого источника, причем без преобладания этого источника в структуре совокупных инвестиций, в общем-то, задач модернизации не решить. А следствием из этого выбора является и комплекс мер по совершенствованию инвестиционного климата, для того чтобы эти инвесторы в Россию, наконец, пришли.

Второй источник, который мы считаем в перспективе вторым по значимости – это, так или иначе, средства населения.

Нужно не просто, не только реализовать программу повышения финансовой грамотности населения. Если говорить в терминах национальных счетов, нам нужно изменить структуру распоряжения населением своими доходами.

Нужно повысить долю накопления, долю сбережений в структуре доходов населения за счет относительного сокращения доли потребления, доли потребительских

расходов. Это не означает призыва к абсолютному снижению объема потребления – это означает перенос центра тяжести именно на сбережения.

А в структуре самих сбережений нам нужно максимально стимулировать сбережения в форме ценных бумаг и банковских депозитов за счет относительного сокращения объема наличных денег и за счет сокращения инвестиций, направляемых сейчас населением на покупку недвижимости. В том числе за счет секьюритизации той самой недвижимости.

Мы говорим о том, что должны более эффективно и по-другому использоваться государственные средства. Может быть, это не очень традиционный для западных стран источник долгосрочных инвестиций, но сейчас деньги у государства есть, и их нужно правильно использовать.

Правильное использование, на наш взгляд, это не инвестирование государством своих ресурсов, а их сохранение в надежных активах и использование их для обеспечения поручительств, то есть создание гарантийного фонда для частных инвестиций.

Мы также говорим о том, что нужно более активно использовать такие инструменты, как доходные и проектные облигации, которые могут выпускать субъекты федерации, муниципалитеты.

Нужно, безусловно, увеличить емкость и рынка государственного долга федеральных облигаций, потому что он является основой, в частности, для формирования структуры процентных ставок, и выполняет гораздо больше функций, чем то что сейчас используется. Не только финансирование дефицита госбюджета, а гораздо больше макроэкономических функций, которые нужно задействовать в полной мере.

Ну и, безусловно, все это ведет к необходимости изменения и в государственном регулировании финансового сектора.

Сейчас кризис, к сожалению, продемонстрировал катастрофическое отставание России от своих конкурентов на международном рынке капитала, в первую очередь – от стран БРИК, от крупных стран.

Если до кризиса мы могли мериться по темпам роста, сейчас мы просто попали в разные кластеры, и глобальные инвестиции, в первую очередь долгосрочные, резко перераспределились не в пользу России. Это результат низкой устойчивости российской экономики, в первую очередь.

Это результат, в том числе, того форсированного выбора в пользу завышенных темпов роста, который наблюдался в 2006-2007 гг.

Мы сейчас должны сделать, опять-таки, правильный выбор в пользу создания в России международного финансового центра. Иначе мы станем периферией глобального финансового рынка.

А это означает, что программа создания финансового центра, которая есть, должна быть коренным образом пересмотрена, она должна быть по-настоящему амбициозной. В ней не должно быть тех в разы заниженных целевых ориентиров, которые есть сейчас. А для того чтобы достичь высоких ориентиров, нужна, естественно, и более активная координация усилий различных ведомств.

В этой части мы, в частности, говорим о том, что необходимо существенно повысить роль Совета по финансовым рынкам при Президенте Российской Федерации, который бы стал реальным координатором усилий различных ведомств. Много можно говорить, но я бы на этом прервался.

Масленников. Спасибо, Юрий Алексеевич. Вот видите, сколько сразу в одном коротком выступлении жестких постановочных вопросов?

Я думаю, что «обязательную программу» президиум отработал, даже с некоторыми потерями, но обещал вернуться Игорь Юрьевич – у него там встреча срочная.

А теперь начинается самое интересное и самое ответственное для нас – это выступления участников. Мы дождались этого наконец-то.

Есть, конечно, одна проблема, у меня как ведущего – как их, в какой очередности выстроить и каким образом. Но я думаю, что, по крайней мере, первые двое – по алфавиту. Так проще. А потом уже народ разогреется, начнет подавать какие-то знаки, привлекать мое внимание, и я думаю, что я начну ориентироваться. Вот уже Сергей Анатольевич Сторчак – я понял его реакцию, Александр Васильевич Мурычев – тоже, рядом там соседи.

Правда, не вижу Михаила Эгоновича Дмитриевича – а, вот сейчас увидел. Да, и, кстати, хочу вас предупредить, что у нас еще сегодня обязательно выступит Алексей Львович Саватюгин, который прибыл и рядышком с Михаилом Эгоновичем на галерочке пристроился.

Значит, тогда, как я и обещал, в алфавитном порядке. Аксаков Анатолий Геннадьевич, депутат Государственной Думы Российской Федерации, президент Ассоциации региональных банков России. А следующего попросил бы подготовиться главного экономиста Всемирного банка в России Желько Богетича. Пожалуйста, Анатолий Геннадьевич.

Аксаков. Спасибо. Очень повезло мне с фамилией. В школе тоже первым поднимали обычно.

Масленников. Ну, может, меньше ругаться будете.

Аксаков. Я честно скажу – очень внимательно читая еще этот материал, то есть я его не до конца прочитал, но очень интересный материал, очень полезный, и действительно хорошая основа для дискуссии.

Но справедливости ради надо сказать, что мы два года назад, полтора года назад на ассоциации в Сочи, на форуме обсуждали стратегию развития финансовой системы, которая включала в себя и развитие банковского сектора, и фондовый рынок, и страховой рынок. Причем все это мы пытались рассмотреть системно, и были конкретные предложения по развитию финансовых рынков, часть из которых, кстати, потом очень быстро правительство реализовало вместе с Государственной Думой в конкретных решениях, которые уже были направлены на преодоление кризисных явлений.

Что касается этого материала, на мой взгляд, все-таки он не отвечает на главную проблему, которая стоит перед нашей экономикой, хотя там есть – все время материал рассматривается во взаимосвязи с концепцией долгосрочного развития нашей страны, и показывается противоречие между теми задачами, которые стоят перед финансовым рынком, и целями, заявленными в этой концепции. Но вот и далее делаются выводы, которые, на мой взгляд, все-таки не отвечают на главную проблему.

А на мой взгляд, главная проблема – это наша наркотическая зависимость от нефтяной трубы. То есть мы можем идеальную финансовую систему построить, но эта финансовая система будет обслуживать, опять же, наркотическую зависимость от трубы. Потому что все, даже заработная плата, скажем так, уборщицы, работающей в отдаленной школе, в конечном итоге финансируется нефтяной трубой, надо сказать, опосредованно доходят вот таким образом до соответствующих потребителей.

И поскольку нефтяная труба все финансирует, то, естественно, она и заказывает музыку, и все в большую и большую зависимость нашу экономику от себя оставляет, скажем так.

И наша задача состоит в том, чтобы оторвать финансирование только от нефтяной трубы. Надо создать новые центры финансирования, которые бы формировали другую экономику, независимую от нефтяной трубы.

Как это сделать? На мой взгляд, этот процесс должен сопровождаться импортозамещением. То есть мы должны создавать производство, которое сейчас не существует или находится в очень слабом состоянии.

Как сделать так, чтобы у нас начало развиваться импортозамещение? На мой взгляд, должна быть грамотная курсовая политика, то есть курсовая политика, стимулирующая импортозамещение, с одной стороны, и в то же время обеспечивающая

конкуренцию импорта с товарами, которые производятся или будут производиться на внутреннем рынке.

Сегодня, к сожалению, на мой взгляд, курсовая политика подавляет отечественное производство и не позволяет развиваться импортозамещению. В результате, даже если мы сохраним стабильный рубль, будем снижать инфляцию – как снижается инфляция, известно. Центральный Банк борется с инфляцией с помощью укрепления рубля, а укрепление рубля – это подавление отечественного производства. И приток импорта в нашу страну.

В результате мы, с одной стороны, вроде бы укрепляем некоторые параметры финансовой системы, а с другой стороны – фактически консервируем нашу зависимость от трубы, которая была, есть, и с такой политикой, которая сегодня осуществляется, она и будет оставаться.

Поэтому первый шаг, который необходимо сделать – это все-таки определиться с курсовой политикой, для того чтобы создать такую ситуацию, когда бы, с одной стороны, развивалось импортозамещение, как я уже сказал, а с другой стороны все-таки была и конкуренция со стороны импорта. Каков должен быть курс? Не знаю. Но очевидно – не 30 рублей за доллар, а выше.

Вот это уже, на мой взгляд, фундамент денежно-кредитной политики, которую будет осуществлять Центральный банк.

Когда мы с этим определимся, дальше уже можно выстраивать остальные инструменты проведения и денежно-кредитной политики, и так далее.

Что касается количества банков – здесь эта тема озвучивалась, а в прессе вообще было подано так, что «вот должно остаться 200 банков, 150-200 банков», и вроде это такая аксиома, к которой мы должны прийти чуть ли не административным путем.

На мой взгляд, знаете, количественные параметры, которые звучат в программах, очень опасны, потому что они как бы задают ориентир нашей власти. Если должно быть 200 банков – ну, давайте, установим, действительно, минимальный размер капитала – миллиард рублей, и все, кто имеет меньший капитал, должны уйти с рынка.

Количественные параметры не характеризуют качество финансовой системы. Даже в этом материале, который нам представлен, написано, что 100 банков владеют фактически, управляют фактически 90% банковских активов. Ну, и на здоровье! Пусть управляют, работают.

С другой стороны, региональные банки, которые работают с населением, с малыми предприятиями и это делают вполне успешно, несмотря на то, что у них нет доступа к внешним заимствованиям, к государственным заимствованиям – ну, почему они должны уйти с рынка? Они должны работать, функционировать. Либо уходить с рынка, но под влиянием рынка, опять же, а не под влиянием административных решений.

Я просто бы попросил авторов, даже если они... Вот сейчас Сергей Моисеев оговорился, что мы не за то, чтобы административным путем этот вопрос решать. Но лучше такие вот количественные параметры в документах не задавать. Тем более, неизвестно – ну, никто не знает, сколько банков на рынке, например, останется.

А вот говорить о том, что должны быть различные механизмы регулирования в зависимости от размера капитала, очевидно, имеет смысл, и с этой точки зрения мы у себя в ассоциации вопрос обсуждали.

Вы знаете, что поднималась тема – ввести в законодательство понятие «региональный банк». В ходе дискуссии мы определили, что такого понятия не должно быть. В конце концов, Москва – тоже регион России, и почему для Москвы должны быть одни требования, для регионов – другие, самим банкирам непонятно, в том числе работающим в других регионах.

Поэтому подход, конечно, должен быть со стороны размера капитала. Возможно, должны быть какие-то ограничения для банков, имеющих определенный размер капитала, скажем, по работе на внешних рынках, по открытию корреспондентских счетов в

зарубежных банках. Но эти ограничения должны быть все-таки минимальными. Мы не должны такими административными мерами подрывать работу банков. Подрывая работу банков, мы, на самом деле, подрываем основу для оказания финансовых услуг населению.

Ну, и еще раз, возвращаясь к началу своего выступления, я хотел бы предложить авторам – готовы сами включиться в эту работу, тем более, у нас есть соответствующая основа, материалы – начать от целей. Причем от целей не банковской системы, а, может быть, от целей экономики. И, естественно, банковская система должна служить целям развития всей экономики. Спасибо за внимание.

Масленников. Спасибо. Как я и обещал, по алфавиту второй докладчик, второй выступающий. Главный экономист Всемирного банка в России Богетич Желько. *

Богетич. Спасибо большое за возможность поделиться с вами моим взглядом на финансовую стабильность и реформы финансового сектора.

Я хотел бы сказать сразу, что Всемирный банк – постоянный партнер Института современного развития, и мы очень внимательно смотрим и читаем анализы института, и этот доклад мне особенно был очень интересен, со многими выводами согласны, с особым вниманием слышу тезис о сбалансированном росте.

Я думаю, что сейчас можно сказать, что ясно – если б Россия на самом деле использовала этот тип, модель сбалансированного роста с 2006 по 2008 год, до кризиса, вероятно, сила удара глобального кризиса на российскую экономику была бы менее значительна.

Я бы не хотел конкретно комментировать доклад в общем, но просто поделиться с вами – три основных пункта.

Первый из них - финансовая стабильность и реформы финансового сектора. Последние достижения здесь, по-нашему мнению, значительны.

С целью поддержания финансовой стабильности во время кризиса были снижены требования к размерам обязательных резервов, расширен перечень инструментов рефинансирования, проведена дополнительная капитализация крупных банков, повышен размер страхового покрытия банковских депозитов населения, и также создан механизм государственных гарантий по кредитам основным российским компаниям и т.д.

На начальных этапах кризиса правительство направило большую часть своей бюджетной поддержки в финансовый сектор – около 3,2% ВВП, и в результате через несколько месяцев самый острый этап финансового кризиса был преодолен. При этом удалось избежать банкротства крупных банков, прекратился отток вкладов, рубль стабилизировался после периода поэтапной плавной девальвации.

С целью укрепления структурных компонентов в финансовой системе и совершенствования регулирования и надзора в банковском секторе были приняты новые законодательные акты, которые существенно укрепили нормативно-правовые основы для регулятивного вмешательства и регулирования проблемных банков и т.д. Значит, достижения значительны.

Мой второй пункт. Российские власти планируют осуществление дополнительных мер, направленных на укрепление финансового сектора, и эти меры или приняты, или должны быть одобрены в 2010 году. Я бы хотел подчеркнуть три из них.

Во-первых, развитие рынков капитала, защита инвесторов и повышение прозрачности. Новое законодательство или поправки в существующие законодательные акты позволяют защитить держателей облигаций, более качественно регулировать рынки производных инструментов, повысить прозрачность рынков капитала и т.д.

Следующая важная позиция - укрепление регулирования небанковских финансовых организаций. Поправка и действующий закон урегулирует процедуры банкротства для страховой компании, и назначен регулятор рынка для управления неблагополучными компаниями, а также создание перестраховочных пулов.

Наконец, крайне важные шаги предпринимаются по улучшению защиты потребителей финансовых услуг. Новый закон позволит должникам-физическим лицам

инициировать процедуру личного банкротства, кредиторы также смогут инициировать процедуру банкротства.

Наш третий пункт о том, что необходимо российскому финансовому сектору в будущем.

Можно сказать, что мировой финансовый кризис собрал свою дань с российского финансового сектора, особенно сильно повлиял на финансовые институты. Во многих направлениях меры правительства достигли успеха. Системный банковский кризис был предотвращен, кризис ликвидности был ослаблен, доверие вкладчиков было восстановлено.

Тем не менее, кризис выявил и слабые стороны. Во-первых, банки слишком зависимы от иностранных источников финансирования.

Второе – увеличение проблемных кредитов, по оценкам одной из банковских ассоциаций достигающих 25% от общего объема кредитов, выданных на конец 2009 года.

Третье. К концу 2009 года объем кредитования, особенно для малых и средних предприятий и домашних хозяйств, резко упал.

И четвертое – в то время, когда банки нуждаются в большом капитале, рынки ценных бумаг, как внутренние, так и зарубежные, упали в цене, и банкиры столкнулись с перспективой увеличения капитала в ситуации, когда цены на акции остаются низкими по историческим меркам.

Теперь, когда предпринимаются антикризисные действия и кризис ослаблен, наступило время вновь вернуться к реформе финансового сектора, для того чтобы повысить потенциал и устойчивость финансовых рынков. Для этого необходим всесторонний программный подход.

По всей вероятности, произойдет необходимая консолидация банковского сектора благодаря увеличившимся недавно уровням капитализации. Для этого необходимы новая структура для обеспечения реорганизации банков в случае банкротства и улучшение системы банкротства нефинансовых корпораций. Кроме того, пруденциальное регулирование и контроль за банковской системой должны быть усилены в соответствии с международной практикой, особенно в части контроля за большими финансовыми группами.

Необходимо также довести управление операционными рисками и другие формы корпоративного менеджмента до уровня международных стандартов. Крайне актуальны улучшения в раскрытии информации о финансовом продукте клиентам, особенно физическим лицам. Кроме того, реформу банковского сектора необходимо дополнить улучшением инфраструктуры капитальных рынков. Расчетные депозитные организации необходимо укрепить и сделать более тщательным контроль над профессиональными участниками рынка. Система частного пенсионного обеспечения и сектор страхования также нуждаются в реформах.

Много еще предстоит сделать, чтобы российские финансовые институты смогли сыграть свою полную роль в поддержке устойчивого экономического восстановления России. Также необходимо быть готовым выдержать следующий финансовый кризис, который, возможно, произойдет в будущем. Хорошей новостью является то, что власти уже начали кропотливую работу по многим из перечисленных вопросов. Спасибо.

Масленников. Спасибо. Я так понял, что это несколько тезисов из Вашего очередного доклада по России?

Богетич. Вы правы.

Масленников. Прекрасно. Я все-таки начинаю более-менее ориентироваться, вот вижу, что Александр Васильевич Мурычев просто очень хочет сказать про наше производство. Александр Васильевич, если я назову Вас первым вице-президентом Российского союза союзов и предпринимателей, я сильно ошибусь? Или Вы первый исполнительный?

Мурычев. Исполнительный я, конечно. Уважаемые коллеги, конечно, хочется от своего имени выступить, но и есть позиция Российского союза промышленников и предпринимателей, и я тоже о ней хотел бы вам доложить. В целом я считаю, что это огромный труд, который коллеги нам сейчас дали на обсуждение. Действительно очень много разумного, все, что на рынке было высказано за последние годы, здесь аккумулировано, это заслуживает всяческого внимания.

Самое важное, на мой взгляд – оценка такой консервативной сегодняшней и в дальнейшем ситуации, которая будет развиваться в российской экономике. Я ее разделяю, потому что, на наш взгляд, на взгляд РСПП, кризис не преодолен, впереди у нас серьезные события, которые нас ожидают. Прежде всего, нас будут проверять на прочность разного рода проблемы, связанные с качеством нашего актива в целом как промышленного, так и финансового, банковского. Это и плохие долги, и кредитная дисциплина, что более сложные вопросы задает несовершенство нашего законодательства о залоге. Мы видим тысячи исков, которые сейчас рассматриваются в разного уровня судах, и мы видим явную противоречивость этого законодательства и явное его несовершенство. У нас нет высокой ответственности за невозврат кредита, и эта проблема в ближайшие годы вряд ли решится, если мы сами не будем законодательно укреплять вот эту дисциплину.

Мы видим, что кредитные организации и в целом банковский рынок, я совершенно разделяю точку зрения авторов, испытывают достаточно тяжелые времена, и несмотря на цифры, которые вроде бы характеризуют банковский сектор чуть получше, покомфортнее, чем экономику, эти цифры ничего не говорят, ни о чем, и ничто не доказывают. С учетом кредитного сжатия цифры, может быть, они получше выглядят, но, тем не менее, они очень малые в объемах, если говорить о том, что у нас предшествующие перед кризисом годы был огромный рост как активов, так и кредитной активности банков, он явно и резко замедлился, более того сейчас, на наш взгляд, мы входим в среднесрочную кредитную стагнацию. И как бы там ни заявляли многие чиновники, ведущие руководители различного рода учреждений, эксперты, на мой взгляд, мы входим именно в кредитную стагнацию. И если будет рост кредитов до конца этого года, то может быть, что только в нескольких (если максимально оптимистичный вариант) процентах, но никак не в десятки, или даже в 20% роста, как некоторые руководители заявляют об этом.

Ситуация усугубляется проблемами в Европейском сообществе, у нас торговые обороты, я хотел напомнить, свыше 50%, мы видим события в Греции, Великобритании дефицит бюджета и проблемы экономические в Испании, Прибалтике. Как это может отразиться на нашей конъюнктуре, вообще на торговом обороте, мы можем пока только предполагать, но до конца ответа никто не знает. Мы говорили с вами осенью, в сентябре 2008 года, что мы «островок стабильности», ипотечный рынок у нас совсем мизерный, это никак нас не коснется, он сразу же через месяц очень сильно нас задел и коснулся. Поэтому я обратил внимание на ситуацию в Европе, в европейском сообществе неслучайно, потому что это обязательно заденет и нас, и нам нужно это понимать и формировать некие превентивные меры.

Вы знаете, очень разумные меры, связанные с централизацией надзора. Эти предложения, которые Российский союз промышленников и предпринимателей выдвигал последние три года. Центральный банк кое-что уже делает в этом направлении, вы знаете, про эксперименты по централизации главной инспекции Центрального банка, но мы считаем что это недостаточные меры, мы считаем, что централизовать нужно надзор в целом блоке и укреплять взаимосвязь с системообразующими банками, более того – усиливать надзор за системообразующими банками, и для этого нужно выделить целый ряд принципиальных положений, критериев, экономических в том числе, которые бы характеризовали тот или иной банк как системообразующий. Потому что от поведения даже одного системообразующего банка, будь это Госбанк или крупнейший федеральный частный банк, зависит стабильность в целом на финансово-экономическом рынке. Сейчас надзор разделен, многофилиальные банки надзираются практически в каждом главном

управлении, надзор не стандартизирован, он очень разный, мы сейчас говорим о мотивированном надзоре, но, как правило, срабатывает субъективный надзор, то есть все зависит конкретно от человеческого фактора. Вот нас это, мне кажется, не устраивает, и то, что авторы изложили некое видение свое в этой связи, я полностью разделяю. В том числе макронадзор, который должен Центральный банк осуществлять и оценивать в целом участников, всех участников этого финансового рынка, а не только кредитные отдельные учреждения. В том числе и внимательно смотреть за ситуацией, которая развивается в экономике, и от этого следовать, о чем Анатолий Геннадьевич совершенно справедливо сказал. Это печка, от которой нужно отталкиваться, тем более выстраивать концептуальные и стратегические задачи и цели для развития финансового рынка. Центральный банк, роль его, очень пока недооценена, и макропотенциальный надзор на этом тапе очень важен.

Контуры антициклического регулирования, динамическое резервирование – это все предложения, которые мы тоже в Российском союзе обсуждали, мы их поддерживаем, надо их двигать, они очень разумные, и учитывать международную практику. Особо хотел бы сказать о превращении рубля в резервную валюту. Очень, мне кажется, по-разному мы сейчас понимаем, что такое резервный рубль, очень много деклараций, заявлений на этот счет, в том числе от высших руководителей, министров и прочее. Недавно состоялся форум СНГ, где было другое заявление. Господин Шувалов, кстати, заявил о том, что надо, может быть, выходить на создание в рамках таможенного союза и в целом дальше единого экономического союза с некой наднациональной валютой. Я вот лично категорически против таких либеральных уже заявлений, связанных с тем, что если мы говорим о резервной валюте российской и везде во всех документах говорим о строительстве международного финансового центра, то мы должны быть последовательны здесь. Если мы сейчас выйдем на наднациональную валюту, в том числе в рамках трех государств таможенного союза, то идею создания российской резервной валюты можно похоронить. Тем более, если учитывать рублевый оборот трех стран, свыше 90% - это рубль. О какой наднациональной валюте может вообще вестись речь? Надо создавать такие условия, чтобы все-таки рубль становился главной валютой этих стран.

И о некоторых темах, с которыми я хотел бы поdiscутировать. Я не хочу сказать, что я категорически не согласен, но, тем не менее, я не считаю, что эти положения должны быть в таком виде, в котором они записаны в обсуждаемом докладе. Прежде всего, о выведении надзора Центрального банка в перспективе на свободную площадку и создании некоего мегарегулятора. Эта тема чрезвычайно сильно дискутировалась несколько лет назад, сейчас опять появилась некая волна этой дискуссии, мы тоже ее обсуждали недавно, месяц назад, в том числе на консультативном совете у председателя Центрального банка. У нас очень осторожный подход, потому что мы исходим из того, что с чем соединять. Есть надзор банковский, другого надзора пока такого же профессионального мы не имеем, я имею в виду правительственный надзор. Надо сначала создавать другую сторону, подтягивать ее хотя бы чуть-чуть к надзору банковскому, а потом вести речь о некоем соединении. Но, без всякого сомнения, если уже говорить о том, что политические решения могут состояться по созданию неких мегарегуляторов, к чему действительно объективно картина нас подталкивает в плане координации надзора на финансовом рынке, то конечно, речь вести нужно о формировании некоего консолидированного надзора на базе Центрального банка, без сомнения. Потому что такой опыт есть и в международной практике, и здесь есть, как говорится, специалисты, есть и структуры, есть и многолетний опыт, есть и нормативная правовая база, на основе которой гораздо проще двигаться в сторону консолидированного надзора. Но для начала, и это нужно нам понимать, надо, без всякого сомнения, координировать надзорно-финансовые риски, кризис отчетливо это показал. Господин Саватюгин на нашем совещании в РСПП уже дал информацию, что эти идеи воплощаются в жизнь. В рамках

Совета при Президенте РФ по развитию финансового рынка уже решение состоялось, создана рабочая подгруппа межведомственная, которая будет заниматься вопросами координирования этого надзора. Это шаг совершенно в правильном направлении.

Что касается количества банков, я с Анатолием Геннадьевичем полностью согласен. Цифры, они очень такие скользкие, и фиксирование их в документах, которые будут предлагаться высшей власти, нам не следует, потому что она будет отталкиваться не от глубокого изучения, сколько банков нужно там иметь, а от нашего с вами экспертного заключения. И, если уж экспертное сообщество подсказывает, что нужно иметь 220 банков, тогда нужно двигаться в этом направлении, еще более ужесточая административные регулятивные мероприятия.

Что касается многоуровневой банковской системы, очень бы осторожно я к этим идеям относился. На самом деле, двухуровневая банковская система - это большое завоевание нашего рынка. Один уровень - Центральный банк, другой - остальные банки, которые работают все в универсальном режиме. Если они хотят иметь генеральную лицензию, они имеют генеральную лицензию, а если они не хотят ее иметь, они имеют обычную лицензию и работают на рынке, проглатывая ровно столько, сколько они могут с учетом своих экономических возможностей. А когда мы будем вести речь о разном предъявлении требований к регулированию федеральных банков, субфедеральных банков, банков округа, банков региона, банков муниципальных, ну, тогда мы такую песню выстроим, что Центральный банк сам запутается в этом регулятивном поле. И это ослабит надзор, и более того, поставит банки существующие, действующие, в очень неконкурентное, некомфортное правовое поле. Главное, что здесь нужно делать, мне кажется - не говорить о количестве и о создании разного уровня регулирования банков, а создавать упрощенные схемы консолидации банковской системы. Рынок сам говорит о том, что 50 банков исчезает в год, если кто хочет входить в банковские группы, уже входит. Вы знаете, свыше 150 банковских групп уже работает на банковском поле. Мы и так имеем сужение количества банков, и я думаю, рынок сам будет подталкивать к этому.

И, коллеги, что хотел бы сказать в заключении? Представленный на экспертизу нам сегодня документ, я подчеркиваю, особой важности, потому что его представляет Институт современного развития, и документ будет представлен Президенту Российской Федерации. Поэтому я всех призываю тоже очень внимательно отнестись к тем положениям, которые там заложены и на этом этапе достаточно критично с учетом того, каким мы опытом экспертным обладаем, высказать свои предложения. Спасибо большое.

Масленников. Уважаемые коллеги, я думаю, что вы все прекрасно поняли, почему я так либерально относился к регламенту. Прозвучало много хороших слов, на самое главное, все-таки пошла критика, это замечательно. Тем не менее, я все-таки предложил бы последующим выступающим чуть-чуть так, поскольку народу много, и многим хочется выступить, поэтому давайте минут шесть, максимум восемь, лучше шесть. Но, тем не менее, естественно, возможны исключения. Сейчас я хотел бы попросить выступить Сергея Борисовича Пахомова. Он сам, я думаю, назовет свою должность. Я могу только сказать, что со времени нашей последней с ним встречи количество долларов, находящихся у него в управлении, увеличилось примерно на полтора миллиарда. Это хороший повод ходить в ИНСОР.

Пахомов. Спасибо. Я председатель Комитета государственных заимствований города Москвы, но хочу сказать, что я здесь выражаю не точку зрения правительства Москвы или мэра Москвы, это моя, в общем-то, точка зрения человека, который отвечает за фондирование города, и которого непосредственно касается целый ряд проблем, вопросов, изложенных в этом докладе.

Во-первых, я хочу поздравить авторов доклада, я считаю, это очень смелый шаг. Это самый сложный объект исследования, который постоянно меняется, эволюционирует. Хочу напомнить, что даже такой гений, как Карл Маркс не сумел дописать третьего тома Капитала, а там всего-то речь идет о капитале, приносящем проценты. Казалось, чего

проще-то? Но вот не сумел. Если рассматривать этот доклад как базу для дальнейших исследований, то как раз здесь все очень хорошо и здорово, потому что целый ряд вопросов был просто затронут схематично. Вот я хотел бы просто очень коротко, учитывая время, пройтись по этим вопросам.

Прежде всего вопрос о моделях развития. В докладе, там есть хорошие вещи и прочее, и прочее, консервативные и так далее. Но остается все-таки вопрос. Рыночная экономика работает на спрос, значит, наша модель экономики развития до сих пор была моделью развития экономики экспортной. Это аксиома, да. Ну, можно любить трубу, можно не любить трубу, но проблема в том, что другой трубы у нас нет пока. Поэтому надо как-то определиться, посмотреть все-таки, мы и дальше будем ориентироваться на внешний спрос в развитии своей экономики или мы все-таки будем стараться смоделировать развитие экономики таким образом, чтобы затронуть и развитие внутреннего спроса, потребительского спроса в том числе, промышленного спроса, инфраструктурного спроса.

Вот этот вопрос в докладе обходится. Я понимаю, что вообще-то тема для отдельного доклада, это очень большая тема. А вопрос-то самый непосредственный. Кстати, от решения этой проблемы зависит такое принципиальное положение, которое в докладе затрагивается: стимулирование повышения доли сбережений и финансовых активов за счет относительного сокращения доли потребительских расходов. Ну, хорошо, если мы сейчас будем все сберегать, сохранять и так далее, и тому подобное, извините, кто будет покупать автомобили Автоваза, если все будут заниматься сбережениями? Поэтому вот здесь надо уделить, конечно же, внимание проблеме развития внутреннего спроса.

Если, кстати, посмотреть на дискуссию, которая сейчас ведется в Евросоюзе на политическом уровне, все больше и больше давления начинает оказываться на Германию, для того чтобы она изменила модель своего развития, для того чтобы перестали немецкие бундесбюргеры так много сберегать и так далее, а Германия бы перестала так много экспортировать, стала бы больше импортировать, а бундесбюргеры стали бы больше потреблять, и таким образом бы и экономика Европы пошла бы вперед хорошо развиваться, и Греция тут бы не попала в такое положение, потому что б немецкие туристы туда больше ездили. То есть вот к этому надо присмотреться.

Очень коротко о банках развития. Вот здесь есть некая идея о том, как бы должны у нас действовать банки развития. То есть, банк развития должен давать деньги коммерческим банкам, российским банкам, они потом должны все это распределять. Я бы хотел напомнить, что такая модель была уже, эта модель была связана с иностранными экспортно-импортными банками. Они открывали кредитную линию российским банкам, для того чтобы те кредитовали тут предприятия и так далее и тому подобное. Как правило, российские банки никого не кредитовали. Вот я боюсь, что здесь тоже может получиться та же система, когда банк развития открывает какие-то кредитные линии, банки подбирают проекты, риск их выполнения при этом они должны брать на себя. По всей видимости, не будет такого кредитования, плюс к этому лишний посредник, он удорожает всю эту стоимость. То есть, извините, одно дело, когда банк развития напрямую кредитует крупные инфраструктурные проекты, другое дело, когда между ним стоит еще один банк, которому тоже надо зарабатывать на хлеб, на масло и еще что-нибудь сверху масла. Поэтому, мне кажется, эта модель неработающая. И вообще-то, нигде в мире банки развития не работают таким образом. Если касаться нашего Внешэкономбанка, его модель, концепция, в общем-то, была смоделирована с известного всем банка «Кредитанштальт фюр видерауфбау» в Германии, там совершенно нормальная прямая работа.

Еще один вопрос достаточно серьезный. В докладе содержится тезис о гармонизации систем права. Принципиальный тезис, мне кажется, заслуживает еще одного отдельного доклада о российской системе финансового права. У меня есть

провокационный вопрос к аудитории. Никто не возражает против того, чтобы в России были введены международные системы финансового учета? Все за это голосуют и, очевидно, такая система будет введена. Так, может, нам ввести в финансовой сфере английское право? В Дубае поступили именно так, вот международный финансовый центр в Дубае знаменитый, которым все в глаза тычут, не знаю, почему, на его территории действует английское право, английский суд, шейх Дубая просто автоматом утверждает решения этого суда в случае каких-то там споров. Я понимаю, что вопрос провокационный, я понимаю, что этого сделать нельзя, но все-таки проблема приведения российского финансового права, корпоративного права к международным стандартам стоит очень остро, мне кажется, это тема отдельного доклада.

Кстати, прекрасный пример – нынешний законопроект о секьюритизации, который рассматривается. Я тоже его читал. Ну, что я могу сказать? Англо-саксонская концепция основана на идее и на принципе действительной продажи секьюритизированных активов, будь то там поток наличности, будь то, что иное, это действительная продажа. То, что предлагается у нас, это такая концепция, основанная, как мне представляется, из того, что я понял, читая законопроект, на залоге денежных средств на счете. Это все-таки принципиально разные вещи с точки зрения потенциального инвестора, того же западного, привыкшего, покупая секьюритизированный инструмент, к реальному приобретению. Читая же далее несколько параграфов, которые регулируют процесс ареста этого счета налоговой инспекцией, мне кажется, он, вряд ли, примет решение приобретать эту секьюритизированную облигацию. Два слова о концепции создания компании специального назначения, то есть SPV. Ну, конечно, она совершенно чужда нашей правовой и регулятивной среде. Я вот честно скажу, не вижу, как такая компания может существовать и жить в нашей правовой среде. Ну, и понятное дело, отсутствие трастового законодательства, потому что, как правило, при западной модели секьюритизации все решается через учреждения траста, через действительную продажу активов в траст, и потом уже траст выпускает облигации далее и ведет все расчеты.

Вопрос, который меня касается непосредственно, я с большим интересом это читал, должен признаться, вчера был очень редкий случай, я читал этот доклад до часу ночи, я не помню, чтобы я что-то читал до часу ночи когда-нибудь. Эмиссия облигаций в рублях международная. Это тоже очень важная и серьезная тема. Я, к сожалению, должен сказать, что здесь просто в эту часть доклада по каким-то причинам вкрался целый ряд неточностей и целый ряд вещей, которые просто не соответствуют практике. Ну, наверное, нельзя говорить о том, что еврооблигации в рублях имеют более низкую ставку. Когда нам приводят примеры эмитентов международных рейтингов «трипл Эй», которые выпускали эти облигации в России когда-то. Это инвестиционные банки, тот же KFV, НордикБанк или EBRR. И делают они это исключительно в целях кредитного арбитража, а не для того, чтобы здесь кредитовать кого-то в рублях. Далее, выпускают бумаги в расчете на очень узкий, ограниченный круг инвесторов, западных инвесторов, не российских. Если бы ситуация была такова, как она описывается в докладе, я вам честно скажу, город Москва не выпустил бы ни одной облигации в рублях по российскому праву. Мы сейчас выпускали бы исключительно еврооблигации в рублях.

К сожалению, ситуация не такова, к сожалению, все то, что в практике мы с чем сталкиваемся, и мы провели детальное изучение этого вопроса, это короткие деньги, максимум, до пяти лет, со стороны иностранных инвесторов. Второе: это очень ограниченный круг инвесторов, максимум пять-семь миллиардов рублей на выпуск. И третье: это очень сложная и тяжелая система выпуска этих облигаций. Большой объем документации, внебиржевое непрозрачное размещение, ну, и еще там целый ряд расходов на консультантов и так далее и тому подобное. Вот здесь тоже встает речь о гармонизации права. Есть проблема налогообложения купонного дохода у нас по еврооблигациям, вообще по иностранным облигациям. Я надеюсь, сейчас федеральное правительство, выпуская еврооблигации свои собственные, каким-то образом эту проблему решит. Тогда у

нас отпадет необходимость выпускать облигации через всякого рода структуры. Вот только тогда может рынок еврооблигаций в рублях нормально, хорошо развиваться здесь у нас, в России.

Ну, еще в качестве поправки могу сказать, конечно, Москва должна быть центром, где выпускаются еврооблигации. Здесь рубли находятся, а не где-то там в Лондоне, в Париже, в Мюнхене, и тем более не в Дубае. То есть надо, конечно, ориентироваться на то, чтобы Москва, это, кстати, будет большой шаг в развитие Москвы как международного финансового центра, была центром концентрации еврооблигаций в рублях.

Заканчивая, просто хочу сказать, что резервный рубль требует отдельного доклада и всестороннего изучения вопроса. Это очень серьезная, тяжелая тема, высокая политика, скажем так, тезис «эмитент резервной валюты должен поддерживать ее стабильный курс, чтобы сохранить международное доверие к ней». Но сейчас ни один эмитент международной резервной валюты, по-моему, не озабочен поддержанием стабильного курса. Наоборот, все мечтают о том, чтобы курс доллара упал, несмотря на словесные декларации, курс евро у нас шатается вверх-вниз. Поэтому решение вот этого вопроса о необходимости резервной валюты, о реальной возможности вообще России выпускать резервную валюту и о том, нужна ли нам вообще резервная валюта, он требует всестороннего и очень тщательного изучения. Китайцы, кстати, не торопятся. Спасибо.

Масленников. Спасибо большое, Сергей Борисович. Вот видите, целая программа намечена, естественно, для нас, но с Вашим участием. Потому что, если Вы участвовать будете, у Вас через три месяца еще полтора миллиарда будет в управлении. На самом деле сейчас пошел уже такой сугубо конкретный, очень детальный и правильный, я считаю, профессиональный разговор. Потому что да, действительно в тексте доклада могут быть и неточности, и некорректности. Но, тем не менее, я все-таки пока эту тему чуть-чуть приторможу. Я знаю, что Сергей Анатольевич Сторчак, рвется в бой, уже обещал все сказать по нас, что он думает. Но сейчас я хочу вернуть вас к теме госкорпораций. Так получилось, что я знаю одну правильную госкорпорацию – Агентство по страхованию вкладов. Опять таки случайным образом так вышло, у нас сегодня присутствует ее руководитель, а именно генеральный директор Турбанов Александр Владимирович.

Турбанов. Спасибо. Хотя, честно говоря, сегодня хотел больше послушать и намеревался уклониться от выступления.

Масленников. Понимаете, мы очень заинтересованы, там же на вас непосредственно целую функцию по страхованию кредитов навешивают авторы доклада. Но все-таки какая-то реакция-то есть, нет?

Турбанов. С вашего позволения, я начну с того, что сегодня в Новой газете прочитал интересную статью, посвященную нашему с вами обсуждению. Новая газета именно этому докладу о дискуссии по докладу ИНСОР «Время перемен», автор ее уже заранее всех тех, кто будет критиковать доклад, относит к числу ретроградов, антиреформаторов и бюрократов, с которыми, безусловно, рано или поздно разберутся, и соответствующей зачистке они будут подвергнуты. Чтобы не оказаться в числе тех...

Масленников. Александр Владимирович, только ремарка, перебью Вас, в заключительном слове я так разнесу наш доклад, чтоб уравнивать шансы.

Турбанов. Итак, чтобы не попасть в число тех, кто будет подлежать зачистке, я сразу скажу, что я поддерживаю основные положения доклада. И у меня принципиальных замечаний нет, но есть, конечно, пожелания.

Перед пожеланиями я действительно хотел искренне сказать о том, что доклад представляет из себя результат очень серьезного исследования. С другой стороны, также очевидно, и об этом было заявлено с самого начала, что это, в общем-то, начало исследования, работа это должна продолжаться и будет продолжаться. И еще один момент, который следует учитывать, сегодня многие выступающие об этом говорили, огромные блоки в этом докладе представляют из себя самостоятельные темы

исследования, и, конечно, это очень трудная задача была все эти блоки равномерно насытить. И это тоже диктует необходимость продолжения работы, потому что одни глобальные проблемы в большей мере, с одной глубиной проанализированы, и предложения по ним поэтому более капитальные. Другие, видимо, еще нуждаются в работе.

Если начинать как раз с места и роли нашего Агентства по страхованию вкладов, то, прочитав доклад, я до конца не понял, какую роль авторы доклада отводят нашему агентству, и не совсем понял, что на нас хотят возложить какую-то функцию. Я увидел, что страхование вкладов упомянуто в блоке очень серьезном, посвященном серьезной новелле страхования кредитов. По моему разумению, это все-таки тоже две самостоятельные темы, хотя я не исключаю, что эти функции могут реализовываться в рамках одной организационной структуры. Я не исключаю, но из доклада я правда не понял. Наряду с этим я увидел, что в докладе есть блок, посвященный компенсационным механизмам, то есть покрытию потерь в первую очередь физических лиц на финансовых рынках. Вот там я Агентства как раз не увидел, а именно там мы находимся совершенно точно. Но я думаю, что здесь действительно тема и для дальнейших обсуждений, и для дальнейшего развития: возможно, и то и другое – и страхование кредитов, и компенсационные выплаты можно совместить, вероятно, а возможно, это все-таки будет развиваться раздельно. Сейчас готовый ответ, я думаю, что дать трудно.

Безусловно, заслуживает тоже дальнейших исследований вопрос по концентрации надзора, созданию мегарегулятора. Когда этот доклад, видимо, в предварительном варианте обсуждался на заседании в РСПП, ваш покорный слуга поддержал идею создания мегарегулятора на базе Центрального банка. В нынешнем виде доклад не содержит такого положения, а напротив, мне показалось, что авторы предлагают у Центрального банка изъять банковский надзор. Лично я выступал ранее, и буду выступать впредь, категорически против этого. Никаких оснований для такого решения, для такого действия я не вижу вовсе. Но готов обсуждать тему мегарегулятора на базе Центрального банка как структуры, наиболее подготовленной к этому, уже создавшей достаточно стройную систему, несмотря на те недостатки, которые мы с вами неоднократно высказывали.

Но мировой кризис, мне кажется, как раз нам показал, во-первых, что само по себе создание мегарегулятора не решает проблему надзора. И мы с вами можем увидеть, что именно в Америке, где масса всевозможных регуляторов, только на одном банковском рынке там четыре регулятора, кризис и возник. Мы с вами видим Великобританию, где существует мегарегулятор, и там кризис тоже произвел разрушительное действие, несмотря на его существование. И второй урок, мне кажется, который можно из кризиса извлечь, что у Центрального банка нельзя отнимать функции надзора. И сейчас уже многие страны это учли, и мы видим обратное движение, даже там, где мегарегуляторы создавались, мы видим обратное движение, и в той же Великобритании, и в Германии.

И еще очень важно для финансовых рынков, чтобы Центральный банк действительно располагал определенными полномочиями в отношении других секторов, а не только банковского, потому что он единственный, кто может выступать в качестве кредитора последней инстанции. А мы с вами видели, что многим инвестиционным банкам такая финансовая поддержка могла быть вполне необходима.

Я возвращаюсь, с вашего позволения, чтобы уложиться в регламент к вопросу о возможности возложения на Агентство новых функций. Мы от дополнительных функций никогда не отказывались, если они сочетаются с теми, которые мы уже выполняем. Спасибо.

Масленников. Спасибо, Александр Владимирович. Сергей Анатольевич, пора ругаться, тем более, что есть, наверное, что сказать, и прежде чем Сергей Анатольевич начнет, мне хотелось бы с вами посоветоваться коллеги. Мы так планировали, что мы будем работать до двух часов, но если есть коллективное неутолимое желание сделать

перерыв и выпить кофе, можем легко. Народ хочет работать до конца, ура! Сергей Анатольевич, прошу Вас.

Сторчак. Спасибо большое. Я вижу в зале Алексея Львовича Саватюгина. Конечно, было бы логичнее, чтобы представитель Минфина в комиссии при президенте сначала выступил, а потом уже его коллега с собственными замечаниями и соображениями по поводу очень интересного доклада. Я хочу, прежде всего, присоединиться к той высокой оценке, которую дали предшествующие выступающие, потому что сделана очень большая и качественная работа. И в ней, как в любой комплексной работе, не может не быть каких-то изъянов. Но, тем не менее, доклад читается легко, и в этом заслуга и тех конкретных экспертов, которые его писали, и той, наверное, общей редакционной работы, которая была проделана. Для таких массивов информационных, как этот доклад, это, конечно, очень важно. У меня несколько пожеланий именно в плане того, что хорошо бы эти темы при дальнейшей работе затронуть, учесть, может быть, при подготовке окончательного варианта.

Прежде всего, на что я обратил внимание, на то, что модернизация финансовой системы, как таковая, в начале не раскрыта. Все-таки о чем будет идти у нас речь? Вот заголовок дан, начато исследование, и мы обнаруживаем, что за его рамками остается важнейший блок бюджетных отношений. Бюджет, налоги – это же часть финансовой системы. В докладе это, видимо, сознательно не рассматривается, но тогда нужно сразу сказать, что по таким-то, таким-то причинам мы это не сделали. В то же время приводится пять направлений денежно-кредитной и бюджетной политики, которые взяты из концепции долгосрочного развития России. Вот это немножко противоречие, я бы посчитал необходимым его устранить.

Очень важный аспект долгосрочного плана – это попытка оценить эффективность внешних заимствований корпоративного сектора. Мы хорошо знаем, что масса дискуссий идет на тему того, что нужно мониторить внешние заимствования российских корпораций, может быть, вводить ограничения и так далее, но нет до сих пор попытки оценить эту эффективность. Вот, взяли массу кредитов, а что получилось из этого? В докладе приводится следующий аргумент о неэффективности этих заимствований: «Из общего объема внешних инвестиций в 2007 году только 25% было направлено на кредиты нефинансовому сектору, остальная часть была нейтрализована оттоком капитала и ростом банковских средств на счетах банка России». Это на шестнадцатой странице делается такой вывод. Честно говоря, для меня он неубедителен. Видимо, оценку эффективности, неэффективности нужно давать несколько с других позиций, уже хотя бы потому, что сама категория отток-приток капитала, я уже имел возможность высказываться на эту тему, у меня вызывает большие сомнения. Под эту категорию попадают, например, выплаты в счет привлеченных связанных экспортных кредитов. Текущие выплаты процентов – это что, разве отток капитала? Это движение финансовых средств. Кстати, в приложении девятом в докладе, связанном с ситуацией на долговом рынке Российской Федерации, позиция отток-приток капитала не используется, используется более понятная для меня лично категория движения финансовых ресурсов. Так же и здесь: мы говорим об оттоке финансовых средств, вернее, об оттоке капитала тогда, когда идут текущие графические выплаты по ранее привлеченным кредитам. Какой же это отток капитала? Никто не сбрасывает акции и не продает имущество и тем самым избавляется от этого капитала.

Думаю, что можно очень энергично спорить с выводом, который содержится на 41 странице, и он звучит следующим образом: «Ключевой проблемой российской экономики в среднем и долгосрочном периоде будет ограниченность внутренних ресурсов, которая определяется недостатком внутренних сбережений для реализации масштабных инвестиционных программ». Звучит тезис очень красиво, но о какой ограниченности можно вести речь, если мы имеем огромные доходы от сырья? Где нефтедоллары, которые должны работать на нашу экономику? Почему не работают ресурсы, которые

накоплены на счетах коммерческих банков? Разве это не источник? Наконец, давайте посмотрим на остатки на валютных счетах российских участников рынка в банках зоны Банка международных расчетов. Статистика очень впечатляет. Это примерно такие же суммы, как и сумма внешнего долга корпоративного сектора. Значит, ресурсы-то в стране есть, другое дело, что банки как финансовые посредники функции свои не выполняют.

Вот этот аспект, видимо, требует очень глубокого анализа. Для меня это очевидно, что они не выполняют свою функцию, уже хотя бы потому, что в банках об этом редко, когда говорится. Считается высшим пилотажем банковского искусства в России, когда клиент кредитуются его же собственными деньгами. Это я хорошо видел на примере работы, в том числе в государственном банке. Не секрет, что сотрудники, порой, поощряются за то, что они умудряются аванс, полученный российским потенциальным экспортером от заказчика, ему передать в виде собственного банковского кредита. Вот эта проблема когда-то будет решаться или не будет? И это тоже часть финансовой системы.

Несколько удивил меня тезис о создании государственной системы страхования кредитов. Собственно говоря, текущий федеральный бюджет и создает такую систему. У нас триста миллиардов одних госгарантий предприятиям, сто миллиардов другому блоку. Но если мы не рассматриваем эту ситуацию как временную меру, антикризисную, если мы идем дальше и говорим, что это постоянно действующая система, то мы делаем очень большой шаг к тому, что переходим просто к государственному кредитованию. А где оценка риска заемщика и так далее и тому подобное? Я думаю, что мы от этого этапа, когда все кредиты у нас государственные – либо Минфиновские, либо Центрального банка, ушли, поэтому с этой позиции нужно еще, по-моему, как следует, подумать.

Несколько меня озадачила та вещь, что в материале, связанном с организацией комплексного надзора и регулирования финансового сектора, лишь штрихами помечены позиции, связанные с решениями «группы двадцати». Я думаю, что те позиции, которые заявила «двадцатка», являются целевыми ориентирами для регуляторов, в том числе и для России. Значит, мы должны как экспертное сообщество или, тем более как госслужащие понять, а что для нас эти ориентиры означают. Вообще, политически поддержав многие изменения, которые предполагается внести в регулирование финансовых рынков и финансовых институтов, мы для себя-то на каком уровне сделаем окончательные выводы, практические меры принимаем или не принимаем?

Большой блок в докладе посвящен финансовой грамотности. Мне, с одной стороны, очень лестно было это услышать, а с другой стороны, несколько странно, что нет упоминания о том, а было бы логично его сделать, что в 2006 году в рамках председательства в финансовой восьмерке мы эту тему поднимали. В Москве была проведена международная конференция по этому вопросу, и программа повышения финансовой грамотности россиян, она, собственно говоря, в проекте существует уже больше двух лет. И соответствующий документ в институт поступил, мне Андрей Андреевич Бокарев, отвечающий в Минфине за эту тему, сказал. Тем не менее, получается, что Министерство финансов и федеральные власти работают над своей программой, Институт предлагает то ли эту же программу, то ли другую, остается не очень понятно.

И последнее, наверное, на что я хотел бы обратить внимание – это о выводе, содержащемся на странице 150, в том варианте, как я видел доклад, о положительном балансе между выгодами, издержками интернационализации рубля. Я считаю, что этот вывод пока еще не является доказанным. Здесь я согласен с Сергеем Пахомовым о том, что вопрос превращения рубля в резервную валюту – региональную или какую другую, требует очень тщательного дополнительного анализа. Ведь что получилось? В докладе комплексном, большом, сложном мы не найдем с вами понятие еврорубль, а ведь он, видимо, существует. А еврорубль и резервный рубль – это одно и то же или не одно и то же?

У меня со старшими сыновьями целый диспут произошел на эту тему, в результате которого мне было доказано, что еврорубль уже живет и хорошо живет, и нормально некоторые российские крупные финансовые институты работают с этим продуктом, но документация, которой регламентируется работа с этим продуктом – это английское право. Отсюда мостик к вопросам, связанным с формированием в Москве или превращением Москвы, лучше так говорить, в мировой финансовый центр. Международным центром она уже стала. Мировой в том плане, что центр в состоянии предоставлять финансовые услуги по объему и по качеству лучшего мирового уровня, лучшего мирового стандарта. Вот какие целевые ориентиры у нас должны быть.

Так вот в этом аспекте говоря о Москве, о рубле, мы ведь действительно замалчиваем тему, а по какому праву мировой финансовый центр будет развиваться здесь? По российскому? Если по российскому, то это тянет за собой целый огромный блок вопросов, в течение десяти лет который, наверное, нам не решить. И в этой же связи: а документация, которая будет в этом центре формироваться, обрабатываться и так далее, она на каком языке будет? Готовы ли мы работать на русском языке в том варианте, что инвестор придет и будет готов работать по российскому праву и на русском языке? Эти вопросы, они не теоретические, они имеют практическое значение. Я не готов на них ответить, но надеюсь, что дальнейшая работа авторов попробует эту тему развить, особенно последние две. Мне очень интересно, каким образом все-таки можно было бы из этой сложной ситуации выйти. Спасибо за внимание.

Масленников. Спасибо большое. Сергей Анатольевич, вот вечная идея такая, уже второй выступающий у нас насчет права. Это напоминает мне старый анекдот, я не буду его пересказывать, но смысл был такой, резюме: ну, вот везде шабад, а здесь немножечко четверг. Ну, посмотрим, посмотрим. Что касается Вашего замечания по поводу того, что директор департамента Бокарев заслал в Институт проект концепции, заслал действительно в самом начале марта месяца. Доклад был закончен накануне нового 2010 года, поэтому никак не могли мы там Андрея Андреевича с его документом учесть. Приносим свои извинения. Но, тем не менее, продолжать мы эту работу в этом направлении будем, и на вашу помощь и содействие очень надеемся. Александр Андреевич Хандруев, пожалуйста. Он у нас руководитель консалтинговой группы «Банки. Финансы. Инвестиции», сейчас будет ругаться про резервный рубль, очевидно.

Хандруев. Уважаемые коллеги, я с большой симпатией отношусь к авторам этого доклада, это мои коллеги, даже друзья, это одни из лучших аналитиков страны, но не получилось, документ не получился. Резкость моих суждений будет обусловлена только лимитом времени, который мне предоставлен. Я бы в таком виде доклад Президенту Российской Федерации бы показывать не стал, потому что если бы он был написан в советские времена, это был бы диссидентский документ, с позиций же сегодняшнего дня это антирыночный документ. И когда я его открыл, я думал, что я там увижу раздел по каналу денежной трансмиссии, транспарентности бюджетных потоков, обсуждение проблемы снижения трастационных издержек, развитие конкурентной среды в сфере финансового посредничества, наконец, улучшение инвестиционного климата. Ничего этого нет. Есть попытка навязать финансовому рынку политические конструкции, модели.

И весь документ, он основывается на критике финансовой политики уходящего десятилетия. Скажите мне, а что плохого в финансовой политике уходящего десятилетия? Кстати сказать, именно эта финансовая политика спасла Россию от финансовой, экономической, а, возможно, и социальной катастрофы. Я внимательно посмотрел рейтинги, только у Китая суверенный рейтинг выше, чем у России. У Бразилии ниже. Нам удалось, не отходя от модели обменного курса, управляемого плавания, провести девальвацию рубля. Весь этот период, за исключением нескольких месяцев 2008-2009 годов, наблюдался приток вкладов населения, который достиг семи триллионов рублей, и доверие к банковской системе было, как ни странно, хотя и подорвано, но не уничтожено, а сохранено.

Я очень коротко, коллеги. На мой взгляд, документ основывается на трех ложных посылах. Первая ложная посылка, и она очень опасна, эта посылка – это то, что в экономике России мы наблюдаем дефицит финансовых ресурсов. Нет такой проблемы дефицита финансовых ресурсов. Есть проблема рационального эффективного использования финансовых ресурсов, да. Когда мы говорим о дефиците финансовых ресурсов, и при этом используем термин «монетизация экономики» (я об этом отдельно скажу), когда мы пытаемся выстроить денежное предложение до 2020 года, я говорю: «Коллеги, сами того не понимая, вы подкладываете властям инфляционную модель развития, что бы вы ни говорили о сбалансированном сценарии». Потому что монетизация экономики – это вульгарный перефраз, вы это знаете. Что такое монетизация экономики? Это показатель обратной скорости обращения денег. Если перевести на цивилизованный язык, вот показатель монетизации – это коэффициент спроса на деньги. А в документе все ведется в терминах предложения денег, хотя главная проблема, вам скажет Центральный банк, что главная проблема для Центрального банка – это прогнозирование спроса на деньги. И нет проблемы монетизации экономики. Когда вы говорите монетизация, то давайте накачивать экономику ресурсами. Главная проблема – созданий условий, при которых спрос на валюту, на рубль был бы устойчив, вот тогда и будет у вас идти монетизация экономики. Так это просто коэффициент спроса на деньги. Так ведите разговор в терминах спроса на деньги. Вот это первый ложный посыл. Повторяю еще раз, нет проблемы дефицита финансовых ресурсов.

Вторая ложная посылка заключается в том, что можно администрировать в сфере финансового посредничества. Это особенно ярко проявилось, когда речь зашла об оптимизации количества банков, о многоуровневой системе. Считается так, что мы сейчас вам положим прокрустово ложе, соответственно, рубить не будем, хорошо, а всех недовольных, раз уж попали в это ложе прокрустово, но недовольны, не нравится, не нравилось ложиться в это ложе, мы для вас разработали специальный режим лицензирования и создадим резервации региональных банков. Чудесно. Вы мне скажите хотя бы один пример страны, где бы вносились подобного рода предложения. Коллеги, ну, не надо себя делать смешными, потому что это задачи, которые решаются в ходе самой конкурентной борьбы, о которой, кстати, ни слова не говорится практически. И задача государства – это обеспечить условия, при которых создавались бы предпосылки для снижения транзакционных издержек развития конкуренции и соответственно, той регулятивной среды, которая бы ограничивала кредитный риск. Тут я с этим согласен.

И третий ложный посыл. Вот я думаю, что второй раздел и, кстати сказать, когда мы говорим о денежной кредитной политике банка России, уже четвертый год, кажется, банк России говорит о переходе к таргетированию. Прделана огромная работа. То же самое я в выступлениях руководителя Центрального банка уже много раз читал про антициклическое регулирование, про динамическое резервирование. Зачем мы это преподносим, что это какое-то откровение, и вот какие-то недоумки в Центральном банке должны к этому прислушаться? Банк России не нуждается в нашей защите. Он нуждается сейчас в независимости, потому что своей профессиональной, умелой политикой, которую Банк России проводил, несмотря на издержки, недостатки и негативные моменты (это я уж не буду говорить), он заслужил, но ее заслужил.

И последняя ложная посылка – это то, что придание рублю статуса резервной валюты рассматривается в документе как фактически политическая задача. Не надо этого делать, это не политическая задача. Я полностью согласен с господином Пахомовым, что нужно быть осторожными. Нельзя на четырех-пяти страницах, даже вспоминая Триффини, делать вывод. А вывод делается такой, вывод о выгодности: превращение рубля в полноценную валюту является выгодным для России. Да ничего подобного, это неоднозначно, это проблема, которая не может и не должна решаться политическими средствами.

Поэтому мне представляется, что нужно еще раз вернуться к самой концепции документа, потому что он называется «Структурная модернизация финансовой системы», и в этом документе первое: изменить подход к оценке проводившейся финансовой политики, второе: факты, связанные со структурными реформами в финансовом секторе, поставить на первое место, четко определить статус, задачи государства, главной функцией и миссией которого является создание благоприятных условий для проведения финансовых операций. И быть крайне осторожными, не придавать им некоторого вердикта, судебного решения, быть осторожными в вопросах, которые еще заслуживают длительной и серьезной дискуссии. Спасибо.

Масленников. Александр Андреевич, спасибо большое. Вот на самом деле прозвучало то, что я давно хотел услышать. Нелицеприятно, но действительно радуется, потому что если задевает за живое, доклад уже сработал. Потом, там на самом деле есть ответы, которые далеко не бесспорны. Но думаю, Александр Андреевич, что потом в ответы на вопросы авторы, эти вейсманисты-морганисты, они ответят, ох они ответят! С вашего позволения, уважаемые коллеги, хотел бы предоставить слово Алексею Львовичу Саватюгину, заместителю министра финансов Российской Федерации. Он просил сейчас ему дать возможность высказаться, потому что потом дела службы призывают.

Саватюгин. Спасибо, Никита Иванович за приглашение. Спасибо ИНСОРу и Банку Москвы за интересные исследования. Особенно Банку Москвы, интересно было читать про необходимость исследования роли госбанков и, наверное, муниципальных банков, и вообще о вреде всяких госструктур. Правда, хорошо. Но прежде чем сказать, что я думаю о докладе, я хочу сказать, что одно сегодняшнее заявление у меня вызвало просто бурное возмущение и негодование. Со всем остальным можно, так или иначе, по diskutieren или сразу согласиться без дискуссии, но одно я как преподаватель политэкономии капитализма с университетским дипломом не могу не отметить. Господину Пахомову я вынужден сказать, что есть не только третий том «Капитала» под названием «Процесс капиталистического производства», взятый в целом, но и четвертый том под названием «Теория прибавочной стоимости». И вышел он в 1894 году. Правда, после смерти Карла Маркса, но под редакцией Энгельса, что, в принципе, разница небольшая.

Ну ладно, а теперь собственно о модернизации финансовой системы России. Замечательная тема, она не первый раз обсуждается, и хорошо, что она ложится в общую такую нашу тенденцию. В этом году мы вместе со всем прогрессивным человечеством будем отмечать 475 лет со дня смерти Томаса Мора, автора утопии. В прошлом году мы отмечали 370 лет со дня смерти Томмазо Кампанеллы, автора «Города Солнца». Большинство утопистов умерло, тем интереснее читать большие хорошие доклада.

Я не буду касаться макроэкономической части, много говорили именно про макроэкономику. Не буду касаться описательной части, потому что статистика, цифры, она и есть статистика. Можно спорить по фактуре, но я из-за недостатка времени перейду к институциональным предложениям, которые были поставлены авторами докладов.

О структуре банковского сектора. Я совершенно согласен с господами Аксаковым, Мурычевым, Хандруевым и другими, которые говорили, что неправильно так ставить вопрос: количество банков, оптимальное для экономики. Это не только теоретически неправильно, это и с моральной точки зрения цинично неправильно. Некоторые эксперты говорят, что для такой страны как Россия вполне хватит порядка 20 миллионов человек населения, для того чтобы всем всего хватило, а так остальные, значит, избыточные. И надо барьеры на вход в отрасль поднимать, да? Мы, Минфин и Центробанк, никогда не ставили перед собой количественные показатели, по количеству субъектов регулирования, по крайней мере, на моей памяти, и, надеюсь, никогда ставить не будем, сколько должно быть банков. Требования к финансовой надежности – да, требования к финансовой устойчивости – да. То или иное ужесточение нормативов в зависимости от

макроэкономики – да, конечно. Но, конечно, не количественные показатели по количеству субъектов.

Многоуровневая банковская система... Можно сослаться на международный опыт, но все-таки это международный опыт. Ссылки на Соединенные Штаты не проходят, потому что в Соединенных Штатах совсем другая система федеративного устройства и законодательства на уровне штатов. У нас банковское и финансовое законодательство единые, и субъекты не могут устанавливать какие-то свои специальные нормативы для существования финансовых институтов внутри. Соответственно, идея о том, что какие-то банки могут действовать в рамках одного региона, – это просто противоречит, извиняюсь, Конституции Российской Федерации и принципу единого экономического пространства на территории Российской Федерации. Почему вы одному банку будете запрещать выходить за пределы Московской области или приходить в Москву, или наоборот? Поэтому я надеюсь, адресат вашего доклада внимательно подойдет к этому аспекту.

Что касается новых видов лицензий. Подразумевалось, что многоуровневая система – это не только ограничения для региональных банков, но и какие-то новые лицензии. Теоретически это возможно. Это может быть теоретически сделано в обозримом будущем. Сейчас мы с Центральным банком обсуждаем возможность, например... Это не значит, что это будет, но мы с Центральным банком обсуждаем теоретическую возможность введения, например, специального вида лицензий небанковских кредитных организаций для участников рынка электронных денег, электронного документооборота и электронного денежного обращения. Для того чтобы в структуру регулирования, в эту бурно развивающуюся отрасль, молодую отрасль, которая еще действует во многом в правовом вакууме, ввести в правовое поле. Чтобы WebMoney, «Яндекс.Деньги» и прочие были все-таки под нормальным надзором и регулированием. Это возможно.

Специальное регулирование для системообразующих банков или для каких-нибудь сверхкрупных банков – вряд ли. Специальный надзор, в смысле надзор-мониторинг ситуации с системообразующими не только банками, но и финансовыми институтами, – в целом да. И я надеюсь, что в скором времени он будет введен, именно мы будем смотреть за состоянием крупных банков, динамика которых влияет на состояние финансовой системы и макроэкономики в целом. Конечно, без этого никуда не уйти, но это никакие не спецлицензии.

Консолидация банковского сектора, мы считаем, должна пройти естественным путем. И не только банковского, а вообще и в других финансовых секторах. Да, мы увеличиваем требования к уставному капиталу, банковские ассоциации нас за это ругают. Но хочу отметить, что введенное с этого января требование по повышению капитала банков до 90 миллионов рублей фактически вообще никак не сказалось на банковской системе. Количество лицензий, отозванных по этому показателю, то есть из-за того, что банки не прошли, – хватит пальцев на двух руках. Я думаю, такие же минимальные потрясения будут со следующим повышением до 180 миллионов. Я думаю, что и со следующими возможными повышениями тоже, если мы дадим возможность банкам хорошо проводить процедуры слияния и поглощения, без лишних транзакционных издержек.

Что касается того аспекта доклада, который направлен на развитие небанковских финансовых институтов, да, это тема хорошая. Я не могу сказать спасибо, что вы нам об этом подсказали, потому что... Конечно, спасибо, но мне кажется, там уже более-менее мы можем если не похвастаться, то сказать, что все будет хорошо. Мы фактически в этом году завершим законодательное закрепление деятельности небанковских организаций на финансовом рынке. Я не беру сейчас профессиональных участников рынка ценных бумаг, я говорю про другие финансовые институты.

В прошлом году был принят закон «О кредитной кооперации». Может, этого кто не заметил, но это вообще революционный закон, он фактически вводит совершенно новый

вид регулирования и новый тип институтов на рынке, хотя кредитные кооперативы существовали, конечно, довольно давно.

Мы в прошлом году приняли закон об обществах взаимного страхования. Это страхование новое не с точки зрения регулирования, не с точки зрения существования института. Я надеюсь, что если не в марте, то в самом начале апреля Правительство внесет в Думу закон «О микрофинансовых организациях». Это тоже новый финансовый институт, и это финансовый институт очень, на мой взгляд, удобный и хороший, который сможет во многом обеспечить для населения в самых отдаленных уголках нашей страны доступ, к финансовым ресурсам. Как раз то, о чем авторы доклада пишут. Это небанковские организации, которые могут выдавать займы до миллиона рублей и с очень либеральным подходом к регулированию. Вообще, правда, я тут согласен с коллегой Хандруевым, что я чувствую себя гораздо большим либералом, и не только я, а вообще наше правительство, по сравнению с предложениями экспертов из ИНСОРа. Хотя, кстати, мне понравилось некоторое время назад замечание одного из читателей о расшифровке «ИНСОР» – «Институт Нила Сорского». Это известный деятель, святитель земли русской, он проповедовал помимо аскезы и воздержания о том, что все написано в Божественном Писании, и все, что там написано, должно быть принято без изменения.

Внутренний голос мне подсказывает, что в скором времени можно ожидать поправок в закон «О ломбардах». Ломбарды – по сути, финансовый институт. Также введут систему регулирования, но, может быть, с какой-нибудь процедурой... ни в коем случае не лицензирования, но по крайней мере аккредитации или регистрации при уполномоченном федеральном округе.

Мы надеемся, и я уже об этом упомянул, что в этом году мы серьезно продвинемся в вопросах законодательного регулирования рынка электронных денег и всего, что с этим связано. Поэтому, надеюсь, следующий год уже встретим во всеоружии.

Кроме того, в ближайшее время, я надеюсь, будет все-таки внесен закон «О национальной платежной системе». Мы уже и с участниками рынка, и с регуляторами, всеми ветвями органов регулирования, можно сказать, подошли к консенсусу о том, что такое будет закон «О национальной платежной системе», и как мы будем ее регулировать. Таким образом, в этом году, наверное, базовые, фундаментальные законодательные процессы по изменению структуры или надзора на финансовом рынке мы надеемся уже завершить, и можно будет наконец начать работать. Потому что невозможно каждый год серьезно менять законодательство, как бы нам этого ни хотелось.

Что касается некоторых идей, которые были в докладе описаны. Мне приходилось уже выступать с Александром Мурычевым на площадке РСПП с рассмотрением во многом схожего доклада, и авторы там есть пересекающиеся, поэтому я вынужден немножко повториться. Извините, господа, идея страхования кредитов, она из раздела как раз тех, деятелей, о которых я упоминал в начале своего выступления. Постарайтесь мне хотя бы доказать, что Агентство по страхованию кредитов нужно в том или ином виде, АСВ это будет или не АСВ, равно как и другие формы поддержки частной инициативы, даже взятие на себя частных рисков государством – гарантийные фонды и всякие прочие другие идеи. Вот частный инвестор, он на то и частный инвестор, для того чтобы на себя брать риски, а не перекладывать риски на государство. А про финансовую грамотность – конечно, надо повышать финансовую грамотность всех – и чиновников, и частных инвесторов.

То же самое – инвестиционные консультанты. Я понимаю некоторых авторов доклада, я вспоминаю, что такое эти консультанты, инвестиционные или финансовые. Но нет. Мы с руководством ФСФР достигли консенсуса о том, что не будет такого вида лицензирования, и пусть консультирует тот, кто в состоянии консультировать, то есть тот, кто обладает какими-то знаниями. Соответственно, инвестор пусть слушает того, кому он верит, а не того, кто предъявит справку от ФСФР о том, что ему можно верить.

По поводу изменения системы мегарегулирования, введения мегарегуляторов и прочих идей. Хорошая тема, благодатная, о ней можно говорить очень много. Но мое глубокое убеждение, что не от структуры регулирования, то есть от перемещения квадратиков на карте Правительства или Центрального банка меняется качество регулирования. Международный опыт тоже нам показывает совершенно разные вещи. В Великобритании был и есть мегарегулятор – Великобритания потерпела полноценный финансовый кризис в последние 2–3 года. В Соединенных Штатах не было мегарегулятора – они потерпели полноценный банковский кризис, финансовый, в последние 2-3 года. В Германии был скорее мегарегулятор, они прошли чуть более спокойно финансовый кризис, с меньшими потрясениями, чем Британия. И так далее.

То есть не в количестве регуляторов дело, а в их качестве и в понимании процессов. Конечно, плохо, когда регуляторы друг с другом не здороваются, но у нас такого нет. Конечно, речь идет о налаживании взаимодействия, об оперативном обмене информацией, о том, чтобы в условиях создания банковских конгломератов, когда у каждой финансовой группы есть свой банк, своя страховая компания, управляющая компания, НПФ и прочие, проблемы одной части группы не перекидывались на группу в целом. Но это вопрос информационного взаимодействия между надзорными органами, и мы сейчас стараемся его улучшить и наладить. Мы надеемся, что к этому мы придем, по крайней мере, пока что опыт очень такой жизнеутверждающий у нас.

Что касается предложений усилить роль Совета по финансовым рынкам при Президенте Российской Федерации. Да, мы надеемся, она будет усилена, мы надеемся, что в этом году Совет будет собираться как минимум ежеквартально. Есть план работы, план работы довольно напряженный, много члены Совета планируют обсудить. В том числе, я уже говорил об этом, создание рабочих групп при Совете, в том числе тех групп, аналоги которых рекомендуют создать авторы доклада, в том числе и по надзору за системными рисками, в том числе по координации законодательных инициатив. Это, мы надеемся, все будет, поэтому мы благодарны авторам доклада, конечно же.

Что касается идеи о том, что надо создавать мировой финансовый центр и резервную валюту – да, такая задача есть. Да, ее никто не отменял. Тут есть представители Минэкономразвития, которые, может быть, подтвердят мои слова о том, что мы создаем мировой финансовый центр, и никуда мы от этой идеи не денемся, тоже план довольно подробный и напряженный есть. А что касается резервной валюты, да, я понимаю многие опасения как макроэкономического, так и политического свойства, связанные с постановкой такой задачи. С одной стороны, усиление России на международной арене, а с другой стороны – отчасти потеря суверенитета в проведении собственной денежно-кредитной политики. Потому что если в наших рублевых активах будут держать резервы центральные банки крупных стран, мы будем вынуждены согласовывать с ними свою денежно-кредитную политику в том или ином виде. Конечно, надо очень хорошо взвесить все возможности, прежде чем принимать какие-то конкретные решения.

Вот это такие краткие заметки на полях. Спасибо.

Масленников. Спасибо, Алексей Львович. Спасибо большое. По-моему, исчерпывающий такой перечень вопросов. И главное, что достаточно конструктивно. И мы во многом совпадаем, по крайней мере в расширении функций Совета по финансовым рынкам при Президенте Российской Федерации.

За Алексеем Львовичем сейчас побежали наши коллеги из журналистского цеха, тем не менее, у нас остается еще 15 минут, и у меня есть некие обязательства. Я их просто перечислю, а дальше коллеги самостоятельно примут решение. Я обещал Анатолию Илларионовичу Милюкову, исполнительному вице-президенту Ассоциации российских банков. Я обещал Гавриленко Анатолию Григорьевичу, руководителю «Алор-Инвест». Я обещал Михаилу Эгоновичу Дмитриеву, президенту Центра стратегических разработок, и Олегу Геннадьевичу Солнцеву, ведущему эксперту Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.

Милюков. С одной стороны – легко выступить по этой проблеме, с другой стороны – сложно. Дело в том, что Ассоциация российских банков ежегодно, теперь уже к съезду представляет свой доклад о состоянии банковской системы и путях ее развития. У нас 9 апреля съезд, мы вот сделали такой доклад, его на сайте можно прочитать. Когда мы работали над банковскими вопросами, мы ставили перед собой задачу прежде всего, что волнует банки, и как эти волнения снять. В этом смысле я хочу сопоставить наш подход с тем, что сделали авторы доклада.

Первая проблема – кредитование. Ситуация с ним сейчас не плохая, а, я сказал бы, очень плохая. Потому что за прошлый год мы получили минус по кредитам, январь, февраль – не лучше, март – наверное, тоже, там всё близко к нулю. Поэтому нет кредитования – мы теряем большой источник роста, фактор, стимулирующий рост. Что делать? Напрашивается целый комплекс вопросов.

Авторы доклада уходят почему-то от этих вопросов. У них пожелания, рассуждения, как где-то дальше быть впереди. Но мне кажется, что методологически доклад теряет от того, что читатель не получает ответы на вопросы сегодняшнего дня.

Мне кажется, в качестве пожелания... Ведь мы должны не только критиковать, Никита Иванович, а и пожелания какие-то давать. Мне кажется, что проблема сложная взята – финансовый сектор, охватывающий 5–6–7 блоков, самостоятельных в какой-то мере. Надо ставить задачу – не раскрывать каждый этот блок, это самостоятельная тема, а найти сцепки, связки между этими блоками. Действительно, та же финансовая грамотность. Рассказывать сегодня, что надо семейный бюджет, грамотно вести и т. д. – это не тема этого доклада. Надо найти, почему она не идет. Сейчас занимаются финансовой грамотностью все, кому не лень, а положение очень плохое.

Вторая проблема – падение рентабельности банков, капитализации. То, что мы имеем с вами сегодня, это тревожно – рентабельность к капиталу 4% вместо 30%, которая была недавно. Рентабельность к активам... сколько там... 0,7%, когда уже 1% считается катастрофой. И главное, что есть четыре фактора, которые в перспективе усугубляют эту проблему. Это проблема «плохих» кредитов, и она что-то почти не рассматривается, хотя мы залезли в эту яму, и я думаю, что мы недооцениваем ее опасности. Я, правда, читал статью Сергея Моисеева, который считает, что эта проблема уже решена.

Думаю, что и другие вопросы: сокращается маржа, экономия на издержках идет все труднее и труднее, поверхностную экономию банки сняли. Что делать дальше? Если так пойдет, по моим расчетам, примерно половина реструктуризированных кредитов не будет возвращена, то это же потеря капитала. Как мы восполнять будем? Надо наращивать капитал. А банковское сообщество давно говорит, что надо привлекать не только традиционные источники роста капитала, надо еще раз подумать о снижении и отмене налогов на капитализируемую прибыль. Надо рассматривать вопросы стимулирования частного капитала, при такой рентабельности частный капитал в банк не пойдет. И так далее.

Следующая проблема ресурсов. Ресурсы, правда, рассматриваются. Конечно, я согласен с Саватюгиным, и кто-то еще говорил, что не скажите, что ресурсов мало. Да, ресурсов в стране много, но есть граница... Они не включаются в кредитный оборот, особенно в длительные кредиты. Решить эту проблему с помощью только фондового рынка – пять пунктов дано в докладе – это долгая, длинная песня. Надо решать ее как можно быстрее.

Вот такие примерно некоторые мои заметки, я понимаю, что еще много выступающих. Значит, надо работать, по-моему, над докладом с точки зрения именно, подчеркиваю, преподнесения идеи финансовой модернизации как комплексной проблемы различных рынков.

Масленников. Спасибо, Анатолий Илларионович. Я думаю, что будет продолжением нашего доклада ваша резолюция АРБ 9 апреля.

Милюков. Будем взаимодействовать.

Масленников. Да, мы соединим усилия. Пожалуйста, слово предоставляется Гавриленко Анатолию Григорьевичу, «Алор-Инвест».

Гавриленко. Еще раз я хотел бы подчеркнуть, что, опять же, я от себя говорю, а не от каких-то общественных организаций, в которых я имею честь состоять.

Первое. Что такое для меня ИНСОП? Для меня ИНСОП – это всегда было, во-первых, обращение Президента, который опубликовал статью «Вперед, Россия!», это доклад Гонтмахера и т. д. Вот для меня это был ИНСОП, поэтому я сюда сегодня и пришел. Значит, что я вижу? Я вижу, извините, по сути доклада это хороший добросовестный документ, который достоин Банка России, достоин ФСФР, достоин Минфина, наверное, может, РСПП в том числе, но уж никак не ИНСОПа. Полностью здесь поддерживаю предыдущего оратора, предпредыдущего, который выступал с критикой этого документа. Конечно, он никуда не годится для ИНСОПа абсолютно.

Дальше. Форма ведения – то же самое. То есть председатель открыл и ушел. Это называется демократия у нас, да? После этого председатель, который ведет вместо него, – это больше дипломат, чем демократ. Дипломат, да, он аккуратно дал выступить всем уважаемым чиновникам. А для кого вообще вот эта модернизация? Она кому вообще-то, в принципе? В общем, по этому докладу, который собирается благодаря тому, что ИНСОП при президенте, это все пойдет президенту, и президент будет думать, что все участники рынка так думают. Ну и где эти участники рынка? Много здесь участников рынка, коллеги? А может, кому-то слово из участников рынка дали? Нет.

Я думал, честно говоря, что ИНСОП скажет, например, в своем докладе о том, что инфраструктура на сегодняшний день, она не готова к притоку новых инвесторов. Ну, не готова, их нет. Посмотрите, что творится... Не буду. Вкратце. А мы пишем: «Требуется увеличить приток средств населения на рынок». Да нет этой инфраструктуры на сегодня.

Следующее. Как всегда. «Регулятивная среда на кардинальное привлечение объема иностранных инвестиций». Опять двадцать пять. Все виды только в одном – без иностранных инвестиций всё, ничего не получится. Я еще раз... сколько могу говорить... Понимаете, до тех пор, пока мы не поймем, сколько у нас денег в кармане, сколько у населения, пока мы не начнем уважать российского инвестора, ничего не получится, никто к нам не придет вообще. Придут только «горячие», спекулятивные деньги, которые придут и в случае чего тут же убегут. Ну никого это не волнует. Всех волнует: «Комиссию по иностранным инвестициям... возглавляет президент...» Какой орган в государстве защищает российского инвестора? Да куча каких-то мелких организаций, которые, когда их обманывают, начинают создаваться и кричать об этом. Ничего в докладе об этом нет.

Дальше. Ну, про дефицит доверия на рынке – бог с ним. Я очень уважаю господина Данилова, наверное, он это писал. Ну кто из населения знает, сколько капитала там у «Финама», у БКС, у «Тройки»? Да никто понятия не имеет, какой у них инвестиционный капитал. От этого доверие совершенно не зависит. Ну ладно, бросим это.

Дальше. Пишем: «Расширить полномочия ФСФР». ФСФР надо усилить, это структура, которая просто как крыса нищенская, вообще нет ни денег, ничего у них там, на бюджетном дефиците сидит. И при этом от нее требуют: давайте им дадим новые функции, новые полномочия. Ну они-то возьмут. Мы каждый день даем как участник рынка информацию, поставляем ФСФР. У них есть возможность обработать эту информацию? Нет у них такой возможности.

«Требуется значительное укрупнение биржевых институтов». Хотел спросить: кому требуется? Вот кто требует? Вот кто-нибудь из рынка требует? Нет. Очень красивая тема – объедините РТС, ММВБ, а мы посмотрим, что получится. Ну, слава богу, здесь написано, что только по согласию. Так не будет никогда такого согласия, по крайней мере на сегодня я его не вижу. Что об этом писать? Но одновременно пишется о том, что в результате в современном мире мы наблюдаем конкуренцию между транснациональными группами бирж. Вот давайте наблюдать эту конкуренцию между ММВБ и РТС. Она мне

очень нравится, она нас, участников рынка, полностью устраивает. Давайте на эту тему поработаем, посмотрим. Прекрасно.

А потом дальше. Что я ожидал на самом деле от ИНСОРа? Единственное, место, где, наверное, можно говорить правду, разрешили говорить здесь правду. Ну давайте скажем правду: мы все здесь... Вот только что был господин Саватюгин и говорит: «Вот стоит задача построения финансового центра». Ну, давайте себе скажем: задача, может, и стоит, но никакого финансового центра у нас нет, и ничего мы практически не делаем для того, чтобы финансовый центр был. Если посмотреть на план ФСФР, который сейчас принимается, то приняли план, где написано 10–20 законов, которые должны быть приняты. Но законы – это одно из условий для создания международного финансового центра. И всё. А где финансовые кадры? Образование что, выпускает профессионалов? Нет таких кадров. А почему финансовый центр... Вот господин Пахомов, при всем моем уважении, говорит: «Международный центр – это Москва». Нет, ребята, кончайте. Вы что? Это Россия. Международный финансовый центр – наверняка это не только Москва, а это еще пара городов из нашей большой России. Вот тогда можно подумать об этом. Не знаю...

Хорошо, следующий миф, который существует, о том, что у нас есть биржевой рынок нефтепродуктов, мы его строим... Вот REBCO мы построили, пять лет уже этому REBCO, если кто слышал, там фьючерсы на нефть. Это прекрасно. И вот руководитель, который открывал эти торги в Нью-Йорке, сейчас благополучно работает в правительстве. Супер! Господа, супер! Сегодня специально смотрел – нулевые там обороты. Смотрю, биржа «Санкт-Петербург», международная биржа, которую придумали вон там сверху, придумали, сказали – вот такая должна быть биржа... Сотрудники этой биржи говорят о том, что весь рынок, все рыночные преобразования идут из Кремля. Вот они прям говорят тебе в лицо, понимаешь. Ну и чего? Как можно из Кремля построить биржу? Нет, ну не смейтесь, пожалуйста. Люди же серьезно строят, причем серьезные люди это строят. На нас красиво экспериментируют, нормальная тема.

Дальше. Подготовка специалистов. Разговаривал с ректорами. Они открыты, они считают, что готовят нам специалистов. Недавно в «Ведомостях» статья была статья про непрофессионалов. Вот тут я верю. А встает ректор финансовой академии и говорит: «Наши специалисты востребованы». Ну, конечно, их будут разбирать, потому что других-то специалистов нет. А то, что ни одного специалиста по срочному рынку нигде не готовят, ничего – да никого это не волнует! А мы собираемся строить финансовый центр.

Давайте не путать: банковский рынок, финансовый рынок, фондовый рынок. Вот финансовый рынок – это банковский рынок, со всем уважением, но и финансовый рынок финансовых организаций, коллеги. А у нас всё, у нас знак равенства: финансовый рынок – это значит банковский рынок. И мы только об этом и слышим. Так вот, извините, коллеги, понимаете, на самом деле существуют еще биржи, инвестиционные компании и очень неплохо живут, и очень неплохо существуют. Есть управляющие компании, которые руководят и управляют миллиардами, десятками миллиардов рублей, которые абсолютно никого не интересуют в рамках государства и т. д. Что-то об этом говорят? Никого это не волнует абсолютно.

Но зато государство говорит о том, что государство поддержало фондовый рынок во время кризиса. Кого оно поддержало, кроме банков? Какую инвестиционную компанию, назовите мне? Может, «Тройку Диалог» только, но надо спросить Рубена Варданяна на эту тему. А так я вам прямо скажу – никого, мы все выживали сами, ни копейки из Центробанка не получили. Поэтому уберите это оттуда, понимаете, а то на самом деле президент будет считать, что он нас поддерживает чем-то через Центробанк. Нет такого. Мы пытаемся, но ничего нет.

Короче, коллеги, на этом я не буду дальше продолжать. Мне кажется, правильно, Никита Иванович говорил, очень интересно, назвал эту часть доклада «финансовым импрессионизмом», а потом сказал, что ученые могут ошибаться, им позволено много

ошибаться. Извините, мы работаем на реальном рынке, нам ошибаться часто сложно, тяжело. Поэтому от ИНСОРа, честно говоря, я ждал большего. Спасибо за внимание. Извините за критику.

Масленников. Спасибо, Анатолий Григорьевич. Тут встречная реплика. Михаил Эгонович, прежде чем я Вам дам слово, тут у меня возникла чисто институциональная такая ситуация, конфликтная... ну, не конфликтная, а так, уточняющая. На высказывание Алексея Львовича Саватюгина хочет дать некий комментарий Минэкономразвития, ответственное за международный финансовый центр. Ростислав Александрович Кокорев, зам. директора департамента по корпоративным финансам, пожалуйста, Вы просили для ремарки. Он сейчас будет говорить, что не так все безнадежно. Правда ведь?

Кокорев. Спасибо, Никита Иванович. Прошу прощения у Михаила Эгоновича, что немножко приходится перебежать дорогу. Но тут действительно... Анатолий Григорьевич, жалко, уходит, а ведь он только что так сурово покритиковал международный финансовый центр, который, значит, не делается.

Значит, получается, что моя реплика, она идет отчасти в развитие того, что говорил Алексей Львович Саватюгин, который дал пас Министерству экономического развития, отчасти в возражение Анатолию Григорьевичу, хотя его критическое выступление тоже с большим интересом и удовольствием послушал.

Идея международного финансового центра, так, как она подана в докладе, она, на наш взгляд, подана очень верно и справедливо. Она подана именно как стратегическая необходимость, потому что через 15–20 лет, по мнению авторов доклада... Я даже знаю, какой именно из авторов эту идею продвигал...

Масленников. Это консенсусная позиция.

Кокорев. Не будет региональных финансовых рынков. Скорее всего, останутся либо международные финансовые центры, либо периферия. А вариться в собственном соку практически никакой стране не удастся. Соответственно, задача поставлена, и, на наш взгляд, сам по себе план ее реализации, он разумный и дееспособный. Правда, этот план в той части, в какой собирается его делать Правительство и вообще государственная власть, – это неизбежно прежде всего совершенствование нормативной базы. Неизбежно. Правительство не может в свой план включить увеличение оборотов торгов ценными бумагами на бирже, не может, если оно только не собирается огосударствить инфраструктуру, увеличить в разы ее капитализацию по своему плану, не может по своему плану установить, сколько у нас будет финансово грамотного населения и т. д. Поэтому неизбежно сейчас основной вектор усилий ведомств, которые отвечают за финансовую политику в части международного финансового центра, направлен на совершенствование нормативной базы.

Жалко, что тут ни одного выступающего от Федеральной службы по финансовым рынкам не оказалось, потому что, я думаю, они бы более компетентно, чем я, сказали о том мощном комплексе поправок в закон «О рынке ценных бумаг» и смежные законы, которые сейчас совместными усилиями дописываются, доделываются, продвигаются. Прежде всего это инфраструктурные законы – «О клиринге», «О биржах», «О центральном депозитарии». Хотя не со всеми жесткими постановками, которые есть в докладе, я согласен в отношении инфраструктуры, но в целом вектор там совершенно правильный, и эти вещи нужно дорегулировать. Есть целый ряд других поправок в закон «О рынке ценных бумаг», которые тоже упоминаются в докладе, и которые совершенно правильно было бы довести до ума (упрощение эмиссии, например). Вот жалко, что такие большие диспуты вызывает введение института инвестиционных консультантов, но сейчас, наверное, нет времени о нем подробно говорить.

В общем и целом, я бы сказал, что сама по себе задача развития российского финансового рынка в сторону его трансформации в международный финансовый центр – это задача правильная и реалистичная. Другое дело, что прямо сейчас, на ходу, год назад или, наверное, меньше года назад приняв план мероприятий по этому созданию, мы не

можем надеяться, что вот мы оглянулись – и уже увидели, что стены МФЦ уже приподнялись из земли или хотя бы котлован под фундамент вырыт. Тем более что, напомню, МФЦ – это не место, не организация и не здание.

Несколько слов еще, пользуясь уж случаем, раз мне две минутки дали для выхода на трибуну, о докладе в целом. Не повторяя всех высказываний, которые были по его поводу, очень обобщенно: он очень интересен, но очень разбалансирован. Есть вещи, которые просто не затронуты никаким боком. Ну, может, я невнимательно читал. О страховании, по-моему, пара абзацев, страховой рынок вообще остался вне поля зрения коллег. Бюджетная система... Для меня для самого, когда говоришь о финансовой системе, лезть в бюджетную систему психологически очень сложно, потому что это целый отдельный мир. Но, наверное, с теми, кто говорил о том, что она здесь не затронута, и это пробел в докладе, я бы согласился. Не затронута любимая мной проблематика корпоративного управления. Если мы говорим об институциональном совершенствовании фондового рынка, в том числе рынка акций, совсем не затронуть вопросы корпоративного законодательства и корпоративного управления, наверное, тоже немножко неправильно.

Что касается очень меня заинтересовавшего сюжета про национальную сеть реализации финансовых услуг, если я правильно передаю идею. Некоторое внутреннее противоречие между тем тезисом, который в докладе есть, что нужно совершенствовать финансовую грамотность и защищать недостаточно грамотное население от разнообразных рисков, с идеей о том, что акции надо продавать через терминалы оплаты мобильной связи. Я немножко упрощаю, Юрий Алексеевич, но примерно так там сказано: национальная сеть на базе Сбербанка, Почты России, терминалов оплаты мобильной связи и т. д. и т. п. Вот если это не оговорка, то мы здесь попадаем в явное противоречие. Потому что массово привлечь население на рынок – это, конечно, здорово, в том числе путем создания большего количества точек входа, упрощения интерфейса, но если население остается неграмотным... «Народные IPO», которые здесь упоминались как благой пример, что население вышло на рынок. Это, может быть, не очень видно было авторам доклада, это видно людям, которые работают в Министерстве, в которое пишут обиженные письма жители нашей страны: «Отдайте, пожалуйста, те деньги, которые я сдуру вложил в ВТБ». Причем пишут они не нам, конечно, они пишут президенту и премьеру, нам просто переадресовывают эти письма. Мы им отвечаем: «Ну, акции, знаете, эта такая штука, она может, и расти, и падать...» Вот тут сидят мои коллеги, они сами отвечают на такие письма и могут подтвердить. Это было связано в огромной мере с тем, что люди не понимали, что покупали. Если мы еще резко расширяем круг потенциальных покупателей акций (именно акций, может быть, еще паев как высокорискованных бумаг), при этом не успев толком людей финансово образовать, мы попадаем на дополнительные серьезные риски, в том числе и социальные.

И что касается вопроса о налогообложении. Последний сюжет, чтобы уже не злоупотреблять терпением. Идея о том, что очень многие вещи можно простимулировать путем снижения налогов вплоть до нуля, она, наверное, красивая, но все-таки не хотелось бы доходить до абсурда. Если мы говорим о том, что нужно освободить от налогообложения доходы акционеров в виде дивидендов, и одновременно говорим, что надо бы освободить прибыль, которую акционерные общества направляют на дивиденды, от налогообложения налогом на прибыль, это, конечно, очень красиво, но боюсь, что фондовый рынок тогда перетянет слишком много денег, что все туда пойдут, потому что это будет совершенно официальная возможность никому никогда не платить никакие налоги. Я думаю, что в условиях непростой бюджетной ситуации обсуждать такие вещи с Минфином даже и не придется. И вообще очень многие идеи по налоговым льготам, они выглядят не очень глубоко проработанными. Но в целом, конечно, как дискуссионный материал это весьма интересно, и спасибо авторам за проделанную работу.

Масленников. Спасибо, Ростислав Александрович. Михаил Эгонович, ну наконец-то, уж извините меня, Ваша очередь.

Дмитриев. Уважаемые коллеги, я хотел бы внести небольшую лепту в восстановление баланса положительных и отрицательных оценок доклада. На мой взгляд, в условиях того глубокого экономического кризиса, в который попала российская, да и мировая экономика, очень легко скатиться в обсуждение проблем финансового сектора, к вопросам конъюнктуры экономического цикла. Грубо говоря, кризис, спад на финансовых рынках, стабилизация, восстановление, риски возможных рецидивов спада и т. д. и т. п.

В действительности доклад, на мой взгляд, хорош тем, что он ставит принципиально иной ракурс взгляда на ситуацию. На ситуацию России как страны с развивающимися рынками, для которой влияние циклической экономической конъюнктуры сейчас будет вторично по отношению к факторам дальнейшей эволюции всех финансовых рынков и их становления. И вопросы, которые ставит доклад, – это прежде всего вопросы того, не когда закончится спад на финансовых рынках, как пойдет восстановление, какие риски в восстановительный период, а абсолютно правильная постановка вопроса: как кризис может повлиять на траекторию дальнейшего углубления финансовых рынков в Российской Федерации? И, на мой взгляд, здесь возникает сразу масса интересных вопросов, которые доклад поднял и затронул, и которые открывают поле для дальнейшего очень интересного обсуждения в будущем.

Например, до кризиса в России гипертрофировано развивался рынок акций, причем крупных корпоративных эмитентов. Сейчас мы видим в период кризиса бурный рост рынка корпоративных облигаций и рынка государственного долга, по крайней мере, потенциал для такого развития. В принципе, это восстанавливает баланс. С одной стороны, это влияние кризиса, и в его условиях нормально. Мы видим это и в развитых странах, как меняется соотношение инвестиций в кредитные продукты и инвестиций в долговые инструменты, эмитированные в виде ценных бумаг. Но вопрос, для России будет ли это временной ситуацией, или это будет изменением пропорций развития сегментов финансовых рынков в долгосрочной перспективе? Вот этот вопрос очень интересно затронут и показан в докладе в виде различных сценариев развития рынка корпоративных облигаций. А от этого, естественно, зависит и перспектива развития банковского рынка в том числе.

Что касается самого банковского рынка. Мы много говорили о проблемах банков, но не очень заметно то, что на самом деле именно в кризис банковский сектор достиг некой знаковой точки своего развития. Впервые за всю историю банковского сектора России доля кредитов нефинансовому сектору в России в прошлом году вплотную приблизилась к уровню Соединенных Штатов Америки, одной из развитых стран. Конечно, это значительно меньше, чем средний уровень для Евросоюза, но это очень значительная величина. И сейчас уже стоит вопрос не в том, будет ли банковский сектор в какие-то определенные сроки достигать по своим масштабам размеров банковского сектора стран ЕС. Скорее, возникает вопрос, по какой траектории пойдет развитие этого банковского сектора – по американской, когда он в некотором смысле играет вспомогательную роль по отношению к рынкам ценных бумаг, или по европейской, где он играет гораздо более значимую, иногда доминирующую роль на рынках инвестиционных продуктов.

Еще один интересный пример. Как ни странно, и, казалось бы, мы сейчас много говорили о доверии населения и прочем, в 2009 году самым быстрым сегментом российских финансовых рынков был, как это ни смешно, рынок обязательного пенсионного страхования в негосударственных пенсионных фондах. На этот рынок перешло рекордное количество клиентов, более 2 миллионов человек, рынок вырос более чем в два раза, и в 30 раз по отношению к 2006 году. Возникает вопрос: нельзя ли попытаться и на этой тенденции капитализировать какие-то регуляторные настройки, изменить правила развития накопительной системы и, по возможности, выйти на ситуацию, которой добился Казахстан, где рынок негосударственных пенсионных накоплений составляет порядка 15% ВВП против 2% ВВП в России. Очень интересный

поворот, влияющий в принципе на постановку вопроса об источниках долгосрочных денег для дальнейшего развития российской экономики.

Возникает и немало других вопросов и ограничений, которые, на мой взгляд, в докладе оценены слабее, хотя они тоже очень сильно влияют на будущее развитие финансового сектора. Например, как повлияет на дальнейшее развитие банковского сектора и банковских продуктов возможная недореструктурированность реального сектора российской экономики в ходе текущего экономического кризиса, сохранение большого числа предприятий-зомби, которые пользуются прямой или косвенной поддержкой федеральных или региональных властей, и те скрытые риски в экономике, которые возникают для финансового сектора в связи с существованием такого рода непрозрачных и не очень жизнеспособных в перспективе предприятий.

Еще одна очень актуальная проблема, которая, на мой взгляд, станет предметом очень широкой дискуссии в будущем. Как все-таки повлияет на дальнейшее развитие финансового сектора в России то обстоятельство, что к этому глубокому экономическому кризису российская экономика пришла в ситуации, когда общий уровень экономического развития существенно превышал уровень развития многих жизненно важных институтов и в том числе административный потенциал российского государства, в частности в сфере финансового регулирования. Вот этот потенциал на сегодня по-прежнему остается ограниченным. Это имеет очень интересное преломление. Я приведу только два примера, которые не затрагивались в ходе сегодняшней дискуссии.

Много говорилось об инфляционном таргетировании, но забывали о том, что в отличие от таргетирования валютного курса инфляционное таргетирование гораздо более сложный процесс, который гораздо менее прозрачен для общества в целом. Если последствия таргетирования курса становятся очевидны сразу, последствия действий Центрального банка, связанные с выходом на определенные темпы инфляции, зависят от инфляционных лагов, которые на самом деле неоднозначно считаемы, непонятны для большинства населения, и даже в плане профессионального «разбора полетов» остаются предметом острых дискуссий.

В этих условиях Центральный банк может становиться эффективным регулятором в режиме инфляционного таргетирования как минимум при наличии двух важных условий. Во-первых, гораздо более высокого уровня независимости Центрального банка от исполнительных властей, чем сегодня достигнут в России... В противном случае Центральный банк неизбежно становится предметом непрозрачного манипулирования со стороны исполнительной власти, благодаря тому, что результаты его действий неочевидны в краткосрочной перспективе, и оказывается объектом очень легкого давления, нажима административных органов в интересах текущей бюджетной или иной политики, или иных задач, которые решает исполнительная власть. И второе условие – такая политика нуждается в гораздо более высоком уровне прозрачности и в гораздо более профессиональном оппонировании, в том числе со стороны экспертных организаций, которые имеют измеримые и признанные модели оценки последствий воздействия изменения монетарной политики на среднесрочные темпы инфляции, что в России тоже еще пока остается под вопросом.

И еще одна тема, связанная с вышесказанным. Сейчас опять мы много говорили о создании международного финансового центра. Не стану обсуждать целесообразность или нецелесообразность движения России по этой модели. Но вызывает большое удивление, с какой легкостью наши власти, те же самые, представители тех же самых органов исполнительной власти, которые участвуют в разработке модели формирования международного финансового центра в России, одновременно активно продвигают проект закона «О национальной платежной системе», одним из прямых последствий которого является создание серьезнейших препятствий для вхождения участников международных финансовых операций на российский рынок. В частности с его странными требованиями локализации процессинговых и информационных центров платежных систем, а также с

попыткой создать довольно жесткую национальную монополию безналичных банковских карт для розничных расчетов населения. Как это все уживается и насколько это может быть совместимо, поскольку это действительно находится вне логики реального принятия решений, – это большой вопрос. Это к вопросу о том, как качество институтов государства будет совместимо с решением амбициозных задач развития финансового сектора в нашей стране в долгосрочной перспективе.

Спасибо за внимание.

Масленников. Спасибо, Михаил Эгонович. После такого выступления хочется задать традиционный русский вопрос: Михаил Эгонович, третьим будешь в следующем докладе?

Дмитриев. Будем работать!

Масленников. Спасибо. У меня последний долг, почти что карточный. Олег Геннадьевич, пожалуйста. Олег Геннадьевич Солнцев, ЦМАКП.

Солнцев. Я не буду предавать доклад огульной критике и в этом смысле не соглашусь со многими ранее выступавшими докладчиками. Мне кажется, есть и много находок в этом докладе. Но хочу сосредоточить свое выступление на некоем центральном пункте, который, тем не менее, так мягко покрываю.

Собственно говоря, центральность этого пункта, она выявилась и в ходе обсуждения, многие докладчики об этом говорили. Это пункт об источнике долгосрочных ресурсов для кредитования экономики. Действительно важный вопрос. И даже если исходить из оценок достаточно умеренных темпов экономического роста, который предполагается в докладе, все равно потребность в этих ресурсах будет значительной. Наши оценки, например, сделаны на основе сценариев Минэкономразвития, которые, правда, предполагают достаточно форсированный режим. Они показывают, что для того чтобы покрыть спрос реального сектора и населения на долгосрочный кредит, который вытекает из прогноза по инвестициям, последнего, который сделан Минэкономразвития, у нас объем долгосрочного кредита, выдаваемого банковским сектором, должен увеличиться где-то на 10% пунктов ВВП за три года приблизительно, при условии, что произойдет нормализация структуры источников финансирования инвестиций, что достаточно много. Если попробовать эту цифру сбалансировать с теми источниками пассивов, которыми располагают российские банки и которыми они могут располагать даже при очень позитивном сценарии развития ситуации, там образуется разрыв порядка в два раза, где-то приблизительно 5% пунктов ВВП, которые на внутреннем рынке даже при ультрапозитивных оценках, при условии, что мы задействуем средства, которые находятся в накопительной пенсионной системе даже частично, все равно его покрыть не удастся. И в этом смысле этот доклад пытается найти ответы и на этот вопрос тоже.

Так вот какие эти ответы. Ответ номер один состоит в том, что этот разрыв должен закрываться за счет иностранных инвестиций, в общем, собственно говоря, никуда от иностранных инвестиций не уйти. Правда, предполагается, что будет закрываться за счет преимущественно прямых иностранных инвестиций, а не за счет долгового финансирования.

Вот здесь возникает вопрос: а каким же образом удастся изменить ситуацию? Причем изменить, по всей видимости, достаточно быстро, потому что, как мы видим, разрыв, который возникает, он образуется уже достаточно скоро. Ответ такой, что из первоочередных мер выделяется кардинальное улучшение инвестиционного климата. Но вот это не очень понятно, потому что разговоры про улучшение инвестиционного климата при том, что к этому можно только присоединиться, каждый раз у меня вызывают такую ассоциацию... Есть такая внепарламентская партия, называется «Субтропическая Россия». У нее одна из ключевых задач – это повышение не инвестиционного, а вот такого как бы физического климата в России, повышение среднего градуса на территории Российской Федерации на 3 градуса, что позволит расширить зону нерискованного земледелия. И средством достижения этого предполагается использование уренгойских месторождений,

которые предполагается использовать не для экспорта продукции, а для обогрева соответствующих территорий, что приведет к потеплению.

На мой взгляд, все задачи улучшения инвестиционного климата, они имеют такой долгосрочный характер, в то время как проблемы, с которыми мы можем столкнуться вследствие отсутствия долгосрочных ресурсов на внутреннем рынке, они носят в том числе и среднесрочный характер. Поэтому, на мой взгляд, здесь недооценивается роль других факторов. И с учетом того, что не проработана вот эта часть стимулирования именно прямых инвестиций, мне кажется, что попытка опереться на иностранные инвестиции – это будет, опять же, повторение той же самой истории про долговые заимствования. А, между тем, уровень долговой нагрузки уже сейчас достаточно высок... Например, по показателю соотношения корпоративного долга и экспорта товаров и услуг мы сейчас уже находимся на одних из самых высоких позиций среди стран с развивающимися экономиками и в ближайшей перспективе, вполне возможно, перешагнем показатели, которые были прецедентами для многих стран, сильно закредитованных накануне кризиса. И в этом смысле мне кажется, что все-таки необходимо более четко продумать меры, связанные с задействованием потенциала внутренних сбережений.

Какая проблема здесь есть? Сбережения населения, которые, мы видим, в основном формируются в форме банковских депозитов, в них доля долгосрочных компонентов очень низкая, где-то порядка 7% составляет. Это действительно очень мало и не позволяет закрыть никакую брешь. Но в то же время недооценивается потенциал среднесрочных депозитов, сроком от года до трех. И доля этой компоненты, она достаточно высока. Сейчас она чуть менее 60%, а в потенциале будет, я думаю, еще больше расти, то есть вполне можно ожидать ее роста до 70% в перспективе ближайших пяти лет, что связано с простым фактором – со снижением уровня инфляции, со снижением общего уровня процентных ставок и поиском населением более высокодоходных направлений вложений при, как уже отмечалось, ограниченном доверии к инструментам фондового рынка.

Но у этого ресурса есть потенциальное ограничение – банки действительно не готовы использовать этот ресурс для выдачи долгосрочных кредитов просто в силу разрыва по ликвидности. Но, к счастью, и здесь есть некая «палочка-выручалочка», и в докладе о ней говорится, хотя не делается акцент, название ей – это «рынок корпоративных облигаций». Этот рынок действительно получил достаточно мощный импульс в результате кризиса, и этот рынок стал активно использоваться в том числе российскими банками для такого как бы косвенного финансирования российских компаний. Этот рынок вполне позволяет решить вот эту проблему разрыва по ликвидности, поскольку банки, вообще говоря, покупая долгосрочные облигации, они не обязаны держать их до погашения, они могут управлять ликвидностью этих активов в соответствии с тем, как устроен портфель их обязательств.

Единственное, чего не достает этому рынку – это того, чтобы он действительно был достаточно ликвиден, для того чтобы у компаний, которые выходят на этот рынок, была возможность выпускать на ликвидном рынке в том числе и достаточно длинные заимствования. А сейчас средняя дюрация, она достаточно сильно сократилась по отношению даже к докризисному уровню. В этом смысле, мне кажется, одними из таких ключевых точек опоры, которые подобно архимедову рычагу могли бы сдвинуть нашу финансовую систему, могли бы быть точечные меры, которые позволили бы стимулировать развитие этого рынка за счет самого различного спектра инструментов. Это касается и упрощения порядка эмиссий, и, возможно, налогового стимулирования выпуска более долгосрочных облигаций.

И что, мне кажется, важно – это политика по формированию сегмента банков, которые выполняли бы функции маркетмейкеров на этом рынке и поддерживали его ликвидность, благо опыт такого модерирования рынка, он существует. Например, можно взять рынок Бразилии, который считается достаточно развитым и емким, где проводилась

целенаправленная политика национальным банком развития BNDES, который, собственно говоря, и выполнял функцию вот такого ключевого маркетмейкера на этом рынке и поддерживал ликвидность. И в этом смысле, мне кажется, можно было бы доработать раздел, который посвящен институтам развития в данном докладе, включив в него именно это направление деятельности. И, как мне кажется, направление перераспределения ресурсов через банковскую систему на рынок корпоративных облигаций, оно помогло бы снять вот эту дилемму, все-таки каким образом мы будем аккумулировать сбережения населения, каким образом мы будем стимулировать повышение сберегательной мотивации – через вклады, через рынок ценных бумаг? Да вот через то и другое. А почему банки имеют здесь преимущество по сравнению, например, с теми же ПИФаами? Ответ очень прост: у банков есть система страхования вкладов. И для российского вкладчика, для российского инвестора, на мой взгляд, это обстоятельство является ключевым и значимым. С учетом этого обстоятельства мне кажется, что вот такая связка, она и помогла бы разрешить проблему поиска долгосрочных источников, ресурсов для финансирования российской экономики.

Спасибо.

Масленников. Спасибо большое, Олег Геннадьевич. Две минуты просит Алексей Леонидович Ведев для ответа на нападки. А затем, я думаю, будем завершать. Дождитесь.

Ведев. Спасибо большое. Во-первых, короткий комментарий. Мне казалось как раз, что мы издавали эту книгу для того, чтобы ее было удобно читать. И если этот доклад кончится вот в таком виде, то я думаю, что это худшая судьба для данного доклада.

Мы рассматривали вообще-то этот доклад как призыв к прагматизму. И когда заместитель министра финансов, уважаемый Алексей Львович Савадюгин называет это «утопией», то, к сожалению, наверное, большая доля руководителей экономического блока являются неоправданными романтиками. Так или иначе, доклад отличают именно призыв к прагматизму и, возможно то, что мы поднимали достаточно провокационные темы, которые, на наш взгляд, катастрофически мало обсуждаются и прописаны.

Например, длинные деньги. Честно говоря, уже нет никаких сил слушать о проблеме безотзывных вкладов и о пенсионных накоплениях. И то, и другое, в общем, достаточно незначительный длинный ресурс, тогда как наши предложения – это как минимум у нас в два раза больше наличных денег, чем необходимо экономике. По самым верхним оценкам с точки зрения мирового опыта, это 2 триллиона рублей. Об этом вообще никак не дискутируется. У нас в год, по самой низшей оценке, от 1 до 1,5 миллиона квадратных метров жилья покупается с инвестиционными целями. Это разве не длинные деньги? Вообще нет обсуждений на эту тему.

Очень трудно комментировать выступления тех, кто уже покинули это заседание, но там тоже, в общем, достаточно странные...

Масленников. Вдогонку.

Ведев. Сергей Анатольевич Сторчак сказал, что банковский высший пилотаж – это кредитовать клиентов собственными деньгами. Собственно говоря, вот Хандруев Александр Алексеевич говорил: «А чем у нас плохая политика?» Я всегда мечтал попрактиковаться в (царствие ему небесное) ABN Amro, например, который работал с Россией. Я беру, кладу на депозит деньги стабфонда в «Трипл-эй банк» (LIBOR «-1») и выдаю кредит LIBOR «+3» Газпрому, «+2». Вот вам высший пилотаж на базе великолепной политики, которую проводил Центральный Банк и Министерство финансов последние 3–4 года.

Даже если вслушаться, что говорят: у нас была такая хорошая политика, что нам удалось провести девальвацию, а потом ревальвацию. А зачем мы проводили девальвацию? И почему такую девальвацию? То есть, собственно говоря, кроме дестабилизации рынка мы этой девальвацией ничего не добились. Мы, что ценовую конкурентоспособность повысили? То есть, собственно говоря, вообще непонятно было, зачем это нужно.

По поводу представителей финансового рынка и вопросов «а сколько у нас денег?» У нас понятно сколько денег. И вопрос о том, есть ли у нас дефицит финансовых ресурсов или нет, – наш основной посыл, что у нас денег нет и не предвидится. Значит, во-первых, надо их каким-то образом аккумулировать и рационально использовать. И, во-вторых, кооперироваться с государством и с иностранными инвесторами для дальнейшей работы.

Последнее замечание по поводу мелких банков. Здесь тоже мы не предлагали сокращать административным путем количество мелких банков. Мы просто поднимаем вопрос, что каждая модель имеет свою цену. Банки вне первой сотни занимают 14% активов и съедают больше 30% ликвидности. Мы должны это понимать. И остатки на корсчетах мы не можем, например, использовать, потому что у нас вне первой сотни банки работают совершенно на другой доле ликвидности к активам, им просто в силу их мелкости и слабой диверсификации бизнеса нужно больше ликвидности. Мы должны отдавать в этом отчет. И мы акцентируем внимание на том, что все имеет свою цену, и это тоже один из политических выборов.

О'кей, у нас большая страна, у нас тысяча банков, но мы за это должны платить, мы должны отдавать себе отчет в том, что когда у нас будут колебания ликвидности, то у нас посыпятся мелкие и средние банки. И, собственно говоря, как это было три раза в 2008 году, с их стороны будет шантаж о том, что будет паника банковских вкладчиков. Вы помните, что кризис-то у нас начался еще в феврале 2008 года, в марте, когда размещались депозиты Министерства финансов и т. д. Потом дальше мы должны вспомнить о том, что когда деньги давались Сбербанку для банковской системы, президент Герман Греф говорил, что у него департамент рисков работает не более чем с 40 банками, всё. Поэтому больше чем 40 банкам Сбербанк трансформировать ликвидность из Центрального банка не может. Мы должны тогда и это понимать. В докладе, мы, конечно, не предлагаем сокращать количество банков, мы лишь опять акцентируем внимание на то, что все имеет свою цену.

Спасибо.

Масленников. Спасибо, Алексей Леонидович. У коллег есть еще какие-то комментарии по поводу сегодняшних высказываний? Да, Юрий Алексеевич, пожалуйста.

Юрий Алексеевич. Да, я хотел бы кратко прокомментировать. Мы заявили такую дилемму: либо максимизация темпов экономического роста в краткосрочной, максимум – в долгосрочной перспективе, либо стабильность. И говорим о том, что делаем выбор в пользу стабильности. На эту постановку вопроса почему-то никто не отреагировал и никто как-то не высказался. Но очень многие, если не половина выступающих, отреагировали на эту альтернативу, но представленную в другом виде. А именно как на альтернативу между стимулированием инвестиций и стимулированием отечественного производителя, сведенную к проблеме курса национальной валюты – девальвировать или ревальвировать. И в данном случае однозначно почему-то люди за максимизацию темпов роста, за поддержку отечественного производителя в ущерб стимулированию инвестиций, достаточных для реальной такой модернизации экономики, для превращения вот этой нашей полуотсталой экономики в современную экономику. И другая реинкарнация той же самой альтернативы – выбор между сбережениями и потреблением. Опять за потребление, не за сбережения!

Вот я должен, наверное, поставить вопрос именно так жестко, как рекомендовал Никита Иванович. Собственно говоря, если мы не добьемся устойчивости российской экономики в ближайшие 5–7 лет, для того чтобы быть готовыми к началу следующего кризиса, нынешнее поколение российской политической элиты просто станут могильщиками России. На мой взгляд, это однозначно, здесь однозначный выбор в пользу только одного варианта развития. У нас нет возможности ошибиться, мы не имеем права опять бесконечно поддерживать какого-то фантомного российского производителя. Это просто ошибочные экономические конструкции. Если мы говорим, что мы должны модернизировать экономику, значит, мы должны заняться вопросом стимулирования

инвестиций, мы должны заняться вопросом стимулирования сбережений населения, и все остальные ответы исходят из вот этого выбора.

Спасибо.

Масленников. Спасибо большое, Юрий Алексеевич. Сергей Рустамович, есть что добавить?

Моисеев. Да, я хотел бы по своей банковской части немного прокомментировать. Сейчас было высказано несколько десятков замечаний и комментариев, и, конечно, было бы безумием пытаться на всех на них ответить.

Я могу только сказать, что когда я согласился участвовать в авторском коллективе, то для меня были самыми интересными две задачи. Первая – это разработать меры, которые способствовали бы стабильности. Потому что сейчас у нас нет встроенных механизмов, которые стабилизировали бы банковский сектор. Мы предложили систему страхования кредитов, контрциклическое регулирование и много чего еще, чтобы сбалансировать рост. Потому что сейчас у нас этого нет. И если, как сейчас многие считают, нам ничего не надо, мы и так хорошо живем, кризис закончился, то это заблуждение, будет новый цикл и очередные «американские горки». Это первая задача, которая перед нами стояла, поэтому я бы довольно сильно дискутировал с теми, кто говорит, что нам ничего не надо, система хорошо сработала, отличная политика была, все было успешно и т. д.

Для меня наиболее болезненные вопросы, такие как динамические резервы, про которые мой вечный оппонент Александр Хандруев говорит, что в этом ничего нового нет. Извините, только в прошлом году Банк Англии впервые такой отчет выпустил, и в мире сейчас только две с половиной страны их используют. Как же это не новое?

Страхование кредитов. Там основные две проблемы: сколько нужно денег на это страхование, и второе – не начать ли повышение процентных ставок. Саватюгин сказал: «А зачем государство должно брать на себя частные риски?» А почему тогда вообще страхование вкладов существует? Разве, тем самым, государство уже помогает перераспределять риски внутри сектора? Цена вопроса, если мы возьмем, что кредитный рынок – 20 триллионов рублей, если у вас будет процентная премия в 0,5% страхования кредитов, там уже страховые премии будут 100 миллиардов рублей в год. Поэтому, Александр Владимирович Турбанов, там цена вопроса очень быстро накапливается, и это не страхование депозитов, другие объемы совершенно, другие цены.

А то, что касается возможного повышения ставок для конечного заемщика, тут надо понять, что если у вас кредит застрахован, для банка, и у вас есть гарантия, что госкорпорация возместит вам это, то, извините, у вас тогда нулевые резервные отчисления на возможные потери по ссудам. И тогда у вас повышения цены для заемщиков не происходит, потому что происходит всего лишь перераспределение резервов на возможные потери – они остаются не у банка, а остаются у страховщика. Вот таким образом. Поэтому цены вопроса нет.

И второй вопрос для меня был самый главный: где взять деньги для дальнейшего развития? Я с Алексеем Ведевым абсолютно согласен: денег в стране нет и не предвидится. Пенсионных накоплений у нас нет, страховых отчислений нет, и еще довольно много поколений россиян не будут иметь никаких сбережений, потому что у нас средний депозит, если не ошибаюсь (Александр Владимирович может поправить) 16 тысяч рублей на душу. Да, средние сбережения. Какие вообще сбережения? Нет сбережений в стране.

Поэтому наше другое предложение, которое внутри этого доклада есть, – это организация внутренней системы долгосрочного рефинансирования. На Центробанк, конечно, здесь никакого смысла вешать, это не его цель. Но создание внутренних источников за счет накопленных денег у государства, которые неэффективно используются, за счет создания специальной программы долгосрочного рефинансирования, там различные варианты есть, – это вторая задача, где брать деньги.

Если нас услышат, то, надеюсь, будущий экономический цикл, в который мы вступаем, он будет более сбалансирован. Спасибо.

Масленников. Спасибо, Сергей Рустамович. Ну что ж, уважаемые коллеги, давайте будем завершать. Мне легче всего, потому что меня наши оппоненты ни в коей мере не ущемили, не обидели. Я на самом деле очень доволен открытым, очень откровенным и местами даже весьма острым характером дискуссии. Это нормально, это правильно. Потому что сшибка мнений при несходстве темпераментов их высказывающих, все-таки вот такой прямой диалог, прямая и откровенная дискуссия – это одна из, на мой взгляд, важнейших технологий предстоящих перемен в финансовой сфере и вообще в стране.

Нас сейчас в последнее время и утопистами, и кем угодно называют. Но дело в том, что утопия – это всегда очень системное произведение. Его отличие от всех других жанров в том, что это системное видение мира, который будет через какое-то время. Я не согласен, что у нас наше произведение получилось утопическим, оно все-таки основано на очень жестких реалистических оценках, если внимательно посмотреть. Но дело даже не в этом. Сегодня многие говорят: «У меня есть мечта». Вот у меня она тоже есть. Я мечтаю, например, о том, что через несколько лет мы от государственного регулирования экономики перейдем к нормальной экономической политике. И поясню, в чем разница. Экономическая политика – система отношений между государственными органами власти, бизнесом, различными представительскими организациями, структурирующими интересы гражданского общества и экспертным сообществом, в том числе, по поводу выработки и принятия государственных решений, относящихся к экономике. Пока такой системы отношений нет, экономической политики не получается. Поэтому внутренней страховочной сети от принятия неправильных решений, ее тоже нет. Вот без лонжи идем очень часто.

Я к тому, что доклад – это попытка ИНСОРа внести свой маленький и скромный вклад в выстраивание такой сети отношений, когда на нашей площадке встречаются и представители и денежных властей, и экспертного сообщества, и практики. У всех различные темпераменты, разные углы зрения на одну и ту же проблему. Но именно вот в таком очень интенсивном и взаимоуважительном диалоге, по-моему, и должна формироваться повестка дня, с которой согласны, по крайней мере, большинство участников нашей финансовой системы. Для меня был один из самых главных замыслов нашего доклада. Такой месседж городу и миру, что надо обсуждать, выравнивать позиции, находить баланс интересов, хотя они могут быть, естественно, очень разными, повестка дня меняется.

Что касается конкретных предложений. Да, я забыл сказать, чем всем грозит сегодняшнее пребывание в этом зале. А тем, что велась техническая запись. Естественно, стенограмма будет расшифрована, вывешена на нашем сайте. При желании обращайтесь к нам – мы, естественно, вас обеспечим этим документом. Затем на основании уже материализованного итогового обсуждения будем смотреть, советоваться с вами, какая программа дальнейших исследований выстраивается. Потому что совершенно ясно, что это попытка создать строительные леса вокруг того, как мы будем приступать к решению одной проблемы, которую я сформулирую: в стране нет денег для модернизации, и финансовая система в ее существующем виде неадекватна этим всем прекрасным замыслам. Вот и все. Каким образом ее решать – это задача не только Министерства финансов, Центрального банка, при всем к ним уважении, это и гражданская задача, это гражданская позиция, в том числе и экспертного сообщества.

Я очень благодарен вам за ваше долготерпение, за ваше участие в нашем сегодняшнем собрании, за ваши мысли, за ваши идеи, за вашу готовность откликнуться на наши месседжи. Я бы хотел выразить уверенность, что мы будем встречаться регулярно, мы будем продолжать наше сотрудничество. Я бы хотел также, чтобы ИНСОР со временем превратился в такую площадку, где действительно специалисты по различным

вопросам финансовой системы могли бы регулярно общаться между собой, невзирая на чины и звания, а отстаивая истину. Спасибо, вам, большое. И отдельное спасибо, благодарность нашим коллегам из журналистского цеха, у которых, конечно, долготерпение выше всех похвал. Надеюсь, что вам это было тоже не безынтересно, коллеги. Всего вам доброго.